

Владимир Рогачев
Алла Байдакова

Америка в пяти измерениях

**Алла Владимировна Байдакова
Владимир Николаевич Рогачев
Америка в пяти измерениях**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12108425
Америка в пяти измерениях / Владимир Рогачев, Алла Байдакова: Грифон; Москва; 2013
ISBN 978-5-98862-117-1*

Аннотация

Книга написана журналистом ИТАР-ТАСС Владимиром Рогачевым и его женой – Аллой Байдаковой, которые проработали в США около десяти лет. За эти годы они побывали в 38 штатах и увидели там многое, чего не найти ни в одном путеводителе.

Они объехали Америку с севера на юг и с запада на восток, поднимались над ней в воздух и спускались под землю – словом, обследовали ее во всех трех пространственных измерениях. Четвертым измерением, как и в физике, стало время, проведенное в этой стране, а пятым – их видение, ощущение, восприятие Америки во всех ее проявлениях. Отсюда и родилось название этой книги.

Авторы захотели рассказать об увиденном российским читателям: вдруг книга окажется не только интересной, но и полезной для тех, кто захочет отправиться в Америку и увидеть все собственными глазами. Книга рассказывает о природе, городах, дорогах, чудесах техники, а также людях, с которыми нам довелось встретиться. О политике в ней не сказано ни слова.

Также как и в любой другой стране, в США есть и хорошее, и плохое. О плохом написано уже немало, поэтому авторы решили как можно меньше рассказывать об отрицательных впечатлениях, хотя это вовсе не означает, что им в этой стране нравилось решительно все.

Содержание

Предисловие, которого не должно было быть	4
К читателю	6
Глава 1. Нью-Йорк	8
Глава 2. Принстон	15
Глава 3. Ламбертвилль и Нью-Хоуп	22
Глава 4. Кейп-Код	28
Глава 5. К Ниагаре с канадской стороны	34
Глава 6. Мыс Канаверал	38
Глава 7. Санкт-Петербург во Флориде	44
Глава 8. Новый Орлеан	49
Глава 9. Хьюстон	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Владимир Рогачев, Алла Байдакова

Америка в пяти измерениях

Предисловие, которого не должно было быть

Мы начинали эту книгу вдвоем.

Идея написать ее родилась в 2007 году. Тогда мы вернулись из нашей второй американской командировки и с удовольствием рассказывали друзьям о наших путешествиях по США. И неизменно слышали совет – надо обязательно писать книгу. Но мы как-то все откладывали, а потом вдруг поняли, что какие-то мелочи стали забываться. Мы даже иногда спорили, где и когда произошли те или иные события или встречи. И тогда было решено начать все записывать.

Мы перебирали наши архивы, пересматривали фотографии, перечитывали материалы, подготовленные Володей для ИТАР-ТАСС, а также репортажи, которые мы писали вместе для разных журналов и для радио. И началась работа над книгой! Писать ее было весело – мы с удовольствием вспоминали наши путешествия. Мы поняли, что для читателей наше творение может стать своеобразным путеводителем.

Когда большая часть книги была уже начерно готова, Володи не стало. И сначала мне казалось, что она так и не будет закончена. Ибо Володя был не только замечательным рассказчиком, но и великолепным редактором – и казалось, что без него закончить эту работу просто невозможно. Но потом я поняла, что ради него должна попытаться завершить нашу книгу. Что получилось – судить читателям.

Мы долго выбирали название нашей книги. Вариантов было много. Среди них мелькнуло и такое – «Четвертое измерение Америки». Нам хотелось подчеркнуть, что мы проехали США вдоль и поперек, спускались под землю и поднимались в воздух – то есть исследовали эту страну во всех трех пространственных измерениях. «Четвертым измерением» мы хотели назвать наше восприятие Америки, наши попытки постичь ее, узнать изнутри – ведь мы писали книгу именно о том, какой эту страну увидели мы. Но сразу же возник спор – а что является четвертым измерением в физике?

В теории относительности речь идет о четырехмерности Пространства-Времени. Значит, условно можно говорить о времени как четвертом измерении? На самом деле в физике все намного сложнее, и, будучи физиком по образованию, Володя хотел быть предельно точен, поэтому этот вариант как бы повис в воздухе. После его смерти мне пришлось уже самой выбирать название. Я долго перебирала все обсуждавшиеся варианты и все-таки выбрала такое – «Америка в пяти измерениях».

Поскольку книга не о физике, то в нашем случае мы будем считать именно время четвертым измерением. Ведь время имело огромное значение в наших путешествиях – все-таки они заняли целых десять лет. Будем считать, что Америку мы увидели в трех пространственных измерениях и одном временном. А пятое измерение – это наше ощущение, наше восприятие, наше видение этой страны.

И последнее. Эта книга вряд ли была бы напечатана, если бы не наши друзья. Они помогли мне пережить горе. Они заставили меня продолжать работу над книгой и стали ее первыми читателями, редакторами и критиками. Без их помощи, в том числе финансовой, я бы не справилась. Огромное им спасибо!

Особая благодарность – Лидии Арбузовой, Ольге Ашурковой и Александру Деткову, Татьяне и Алексею Бережковым, Софье и Евгению Горшковым, Елене Свекис, Александру Цибулевскому, Андрею Шитову.

А. В. Байдакова

К читателю

Чем можно оправдать появление этой книги? Сразу скажем, что жажды писательской славы и огромных гонораров за этими страницами не скрывается. Все куда прозаичнее – за десять лет журналистской работы в США мы умудрились заглянуть в 38 штатов этой страны. Кое-что, чего не найти ни в одном путеводителе, мы там увидели. А потому и захотели рассказать об этом, теша себя надеждой, а вдруг что-то окажется для кого-то полезным или интересным и кто-нибудь захочет собственными глазами увидеть нами описанное.

Нам хотелось рассказать о природе, городах, дорогах, чудесах техники, а также людях, с которым довелось встретиться. Именно это в книге главное, а политику мы оставили для других. Ясно, что в США, как и в любой другой стране, есть и хорошее, и плохое, но мы решили как можно меньше писать об отрицательных впечатлениях. Это вовсе не значит, что нам нравилось решительно все – просто о плохом в США написано и так много.

Пожалуй, именно этим мы оправдываем время, потраченное на создание книги и, возможно, на ее прочтение. Что же из этого получилось, предстоит судить смельчакам, отважившимся открыть ее.

В. Н. Рогачев, А. В. Байдакова

Глава 1. Нью-Йорк

О начале освоения Нью-Йорка, несостоявшемся портрете Ленина в Рокфеллеровском центре, сорока островах и двух тысячах мостов, уральской меди для статуи Свободы, также об обитателях острова Лонг-Айленд...

Благодаря park-way я въехал в Нью-Йорк как по маслу – это простецкое выражение будет здесь более чем уместно. Может ли выезд быть затруднительнее въезда? По-видимому, напрасно я не свернул на этот мост по правую руку, который слишком поздно заметил!

Впрочем, не хочу кривить душой. Мост я заметил вовремя, но он висел прямо в поднебесье, на огромной высоте, как проволока воздушных акробатов, работающих под куполом цирка, и показался мне таким головокружительным, что я нашел причины ехать мимо. Уговорил себя, что хочу проехать через один из прорытых под Гудзоном туннелей, над которыми проходят трансатлантические лайнеры.

С этого начались мои неприятности...

...Замечу, кстати, чтобы не забыть сказать об этом в дальнейшем, что в Соединенных Штатах вас, за редким исключением, повсюду принимают любезно. Не только французов. Не только из личных симпатий. Это дело принципа. Здесь считается, что хорошее настроение – неотъемлемая часть гигиены.

Жорж Сименон. «По Америке на автомобиле»

Наше знакомство с Америкой началось с Нью-Йорка. Собственно говоря, до этого у каждого из нас произошло свое собственное, так сказать, индивидуальное открытие Америки, но наше общее путешествие длиной в десять лет стартовало именно здесь, в 1996 году. Мы прожили в этом городе пять лет, проездив отсюда по всему Восточному побережью – от Флориды до Канады, добрались до Луизианы и Техаса. Потом мы на два года покинули Америку, а в 2002 году оказались в Калифорнии. А потом были четыре года в Лос-Анджелесе и путешествия по всему югу и юго-западу США. Из Калифорнии на машине мы переехали обратно в Нью-Йорк, проложив путь по северным штатам США. Вот так и получилось, что началось наше путешествие «вокруг Америки» в Нью-Йорке и в этом же городе и закончилось.

Потом мы долго считали, в скольких штатах побывали. Получилось, что в 38. Разумеется, некоторые мы лишь быстро проехали, например, Кентукки или Алабаму. С другими знакомство было очень коротким, как, например, с Вайомингом или Вермонтом, а третьи удалось изучить вдоль и поперек. Тем не менее, в каждом штате, где нам доводилось побывать, мы старались увидеть как можно больше, проникнуться духом этих мест, ибо американские штаты очень не похожи друг на друга.

Наши поездки по Америке начались по скромному, короткому маршруту – от жилого комплекса «Скайвью» в районе Ривердейл в Бронксе до Рокфеллеровского центра на Манхэттене, где тогда располагалось отделение ИТАР-ТАСС. С некоторой опаской и совершая обязательные для всех новичков ошибки, мы расширяли географию своих поездок. Тогда

мы еще плохо понимали, как важно следовать инструкциям, указанным на висящих вдоль дорог больших зеленых щитах. И как важно встать в нужную полосу, подавив в себе недоумение по поводу того, что поворот налево почему-то пойдет из правой полосы. Боевым крещением для новичков считается выезд с Манхэттена в районе моста Джорджа Вашингтона. Здесь полосы разделяются, и только одна из них ведет домой, в Ривердейл. Ошибка – и ты уже едешь через мост в соседний штат Нью-Джерси, другая ошибка – и ты в Южном Бронксе, районе крайне неприветливом, особенно в вечернее время. Нам кажется теперь, что мы совершили все мыслимые промахи, заезжая в самые неожиданные районы.

Мы и представить не могли, что пройдет совсем немного времени, и мы будем смело пускаться в самые дальние поездки. Невозможно было вообразить, что мы побываем в Аризоне и Нью-Мексико, Южной Дакоте и Колорадо, Техасе и Луизиане! Но уже тогда, в самом начале, только осваивая соседние штаты Нью-Джерси и Пенсильванию, мы как-то быстро поняли, что ездить по Америке на машине довольно просто и безопасно. Более того – это настоящее удовольствие! И уже очень скоро мы при каждой возможности – будь то командировка или просто выходные – садились в машину и отправлялись по одному из заранее заготовленных маршрутов. В США все приспособлено для автопутешественников. Через всю страну бегут замечательные шоссе-хайвеи, и у каждого свой номер – нечетный для дорог, идущих с севера на юг, и четный – с запада на восток. Вдоль всех шоссе обязательно существует множество зон отдыха, бензоколонок и небольших гостиниц, где можно остановиться, перевести дух, поесть или заночевать. И вдоль дорог обязательно есть указатели, информирующие о том, сколько миль отделяет вас от следующего очага цивилизации. Благодаря всему этому даже путешествия на большие расстояния в Америке вполне комфортабельны.

Ездить по хайвеям быстро и легко, но ничего особенного такое путешествие обычно не сулит – все самое интересное в Америке спрятано в стороне от столбовых дорог. Америка – очень разная. Американский Север совсем не похож на Юг, а западные штаты разительно отличаются от восточных. Отличаются законы, обычаи, речь. Единственное, что, как показалось нам, объединяет все штаты, – это люди. Американцы приветливы и доброжелательны, и встречи и беседы с ними неизменно доставляли огромное удовольствие. Нам довелось встречаться со многими знаменитостями – голливудскими кинозвездами и учеными, однако с не меньшей радостью вспоминаем мы случайные встречи в кафе, ресторанчиках, на бензоколонках. Побывали мы и в таких местах, где русских до нас никогда не видели, но ничего, кроме доброжелательного удивления, мы не встречали. Как далеко от главных дорог мы бы ни забирались, никогда не возникало чувство страха. (Правда, одному городку удалось нас напугать – и мы честно расскажем об этом.) Если мы сбивались с пути, то нам подсказывали дорогу; если ломалась машина, оказывали помощь.

Оставим в стороне политику – о ней в этой книге не будет сказано ни слова. Мы расскажем об удивительной природе – о двух океанах, о заснеженных горах, о величественных лесах, о бескрайних прериях. Мы расскажем об индейцах – об их тысячелетней истории и их сегодняшней жизни. Расскажем о соснах, возраст которых насчитывает тысячи лет. Но все это впереди, а пока мы скромно ездим по окрестностям Нью-Йорка и пешком ходим по Манхэттену. До ужасной трагедии 11 сентября еще целых шесть лет, и Нью-Йорк выглядит таким праздничным, таким уверенным в себе. По утрам он напитан запахом кофе, стаканчик с которым обязательно покупается по дороге на работу. Здесь звучит на улицах музыка – и не важно, играет ли безвестный уличный музыкант или звезда, приглашенная выступить в одном из крохотных сквериков Рокфеллеровского центра. Нью-Йорк середины 90-х деловит и подтянут, но одновременно и слегка легкомыслен. Честно говоря, это был удивительный город! Пройдет шесть лет, и трагедия изменит его навсегда. Вернувшись в него в 2006 году, мы были потрясены переменой. Город-праздник как будто потух, и казалось, что боль от

страшной раны на том месте, где когда-то высились гордые башни-близнецы, отдается по всему Нью-Йорку.

Но в 1996 году площадь рядом с башнями Всемирного торгового центра была веселым местом. Сюда обязательно приезжали туристы, бросали монетки в фонтан и, собравшись с духом, поднимались на смотровую площадку на крыше одной из башен, с которой открывался великолепный вид на город. Весь Манхэттен как на ладони, и прекрасно просматриваются и остальные районы Нью-Йорка – Бруклин, Куинс, Бронкс и Стейтен-Айленд. Манхэттен сверху кажется совсем маленьким, да он и правда небольшой – всего 21 километр в длину и 3,7 километра в ширину в самом широком месте. Его легко обойти пешком, правда, исключив для прогулок самую северную часть – Гарлем, поскольку гостеприимным этот район не назовешь. На короткие расстояния по Манхэттену проще ходить пешком, ибо на машине больше времени проведешь в пробках. А прогулка с юга Манхэттена, где стояли башни-близнецы, до его серединной части – мидтауна – где расположен Рокфеллеровский центр, заняла, к нашему разочарованию, меньше трех часов.

Сам Рокфеллеровский центр, построенный в 30-х годах прошлого века, – место просто замечательное. Это – 19 небоскребов, включая 70-этажное здание «Дженерал электрик» и здание Ассошиэйтед Пресс, ставшее почти родным, поскольку здесь на пятом этаже находилось отделение ИТАР-ТАСС. Причем отделение ТАСС жило здесь с 30-х годов. Но несколько лет назад агентство Ассошиэйтед Пресс переехало из этого здания в новый офис на 33-й улице. Переселилось на новое место и представительство ИТАР-ТАСС.

Рокфеллеровский центр задумывался его создателями – семьей Рокфеллер – не только как деловой центр, но и как центр искусств. Были приглашены известнейшие скульпторы и художники, и они внесли свой вклад в оформление нового комплекса. Среди украшающих центр скульптур наиболее известен, безусловно, золотой «Прометей» Пола Мэншипа, парящий над знаменитым катком. Для росписи холла здания «Дженерал электрик» (тогда это было здание компании RCA), которое является центром всего комплекса, был приглашен Диего Ривера. Но тут, говорят, вышел скандал, потому что мексиканский художник изобразил на фреске первомайскую демонстрацию в Москве и даже добавил портрет Ленина. Несмотря на уговоры Рокфеллеров, заменить Ленина какой-либо другой исторической фигурой Ривера категорически отказался, и фреска была уничтожена. Московский Первомай был заменен фреской испанского художника Хосе Серта «Американский прогресс».

У Рокфеллеровского центра есть также и подземный этаж – это разветвленная сеть галерей, заполненных магазинчиками, кафе, ресторанами. Здесь есть вход в метро, почта и многое другое. Это – настоящий лабиринт, охватывающий своими проходами площадь от 5-й до 7-й авеню и от 47-й до 51-й улицы. Для ТАССовских корреспондентов эти ходы были весьма полезны – в дождливую погоду они позволяли, не выходя на улицу, добраться до специальных парковок для прессы. Эти парковки были большим подспорьем для наших журналистов, так как найти место для машины в Нью-Йорке чрезвычайно сложно. Существует, однако, один минус – время стоянки на них ограничено, и достаточно опоздать на несколько минут, чтобы обнаружить под «дворником» ярко-оранжевый листок, уведомляющий о необходимости оплатить штраф. Можно, конечно, покорно заплатить, но можно и оспорить решение полицейского в суде – и даже сделать это по почте, чем регулярно занимались все журналисты, причем довольно успешно. Но и на этих парковках места для всех не хватало, и конкуренция здесь существовала жесткая – о журналистской солидарности никто и не вспоминал. Машины стояли бампер в бампер, и если освобождалось место, то в него мгновенно начинала втискиваться машина. Умение парковаться в Нью-Йорке – это великое мастерство. Зато нью-йоркскую машину легко узнать не только по номерам, но и по избитому и исцарапанному бамперу. Если журналисту долго не удавалось вписаться в крохотное место, то неизменно появлялись доброжелатели, готовые помочь советом, правда, не

всегда безвозмездно. У парковки на 7-й авеню регулярно дежурил пожилой негр. Завидев парковочные страдания российского журналиста, он начинал радостно кричать по-русски: «Давай, товарищ!» Оказав посильную помощь, неизменно просил за свои труды доллар.

Несмотря на обилие небоскребов, стоящих близко друг к другу, Манхэттен никогда не производил на нас впечатления «каменных джунглей». Здесь очень много крохотных парков, спрятанных между зданиями. Правда, и «парками» эти маленькие оазисы назвать трудно – обычно это несколько деревьев и какой-нибудь фонтанчик или водопад. А вот весь центр Манхэттена – действительно большой парк. Тот самый знаменитый Центральный парк – огромный зеленый прямоугольник площадью более 300 гектаров, который «снимался» в огромном количестве фильмов. Вообще удивительно, что в центре огромного современного города, где небоскребы порой стоят буквально вплотную, подпирая друг друга, а стоимость земли достигает чуть ли не заоблачных высот, существует большой парк, тихий и уютный. Здесь, в спокойном и уютном уголке природы, привольно чувствуют себя белки и многочисленные пернатые. В любое время года в парке полно детворы и домашних ухоженных собак, важно выгуливающих своих хозяев. Здесь можно полежать на траве, сыграть партию в шахматы или шашки, побродить по небольшому, но очень симпатичному зоопарку. На территории парка расположены игровые площадки, два катка, теннисные корты. Центральный парк – это 96 километров пешеходных дорожек, 1400 видов деревьев, кустарников и цветов, пруд с различными видами рыб.

Правда, он не всегда был таким. В истории открытого в 1873 году парка были как взлеты, так и падения. В конце 70-х годов прошлого века из-за отсутствия денег в городской казне он являл собой печальное зрелище и тихо приходил в полный упадок. Возможно, он превратился бы в подобие свалки, если бы не нашлись такие энтузиасты, как писательница Бетси Барлоу Роджерс, окончившая в свое время Йельский университет по специальности «городское планирование». Именно ей принадлежала идея создать для управления парком организацию, которая получала бы средства от частных спонсоров, а не из бюджета Нью-Йорка. Ни один парк в стране не содержался таким образом, и предложение Роджерс было воспринято с недоверием. Однако это ее не остановило, и она направила свой план тогдашнему мэру города Эдварду Кочу. Терять было нечего, и был учрежден фонд – Central Park Conservancy, в который стали выделять средства состоятельные горожане и крупные корпорации. Из всех полученных средств только 20 процентов идут на административные нужды, все остальные тратятся на поддержание и обновление парка. Спонсоры дают деньги и на отдельные проекты, и в знак признательности на карте парка появляются их имена.

Практически весь Нью-Йорк (за исключением Бронкса) лежит на больших и маленьких островах общим числом около сорока. Манхэттен – это остров, и Стейтен-Айленд – это остров, а Куинс и Бруклин занимают западную часть острова Лонг-Айленд. Все они соединены мостами и туннелями, которых насчитывается 2027. Самым знаменитым, наверное, стоит считать Бруклинский мост, соединяющий Манхэттен и Бруклин. До 1883 года он еще и носил титул самого длинного подвесного моста.

До некоторых островов, как, например, до знаменитого Либерти-Айленд, на котором стоит статуя Свободы, можно добраться только на пароме. А вот к соседнему острову Эллис, где находится Музей иммиграции, построили от материка мост, но он используется лишь в служебных целях. Так что обычные туристы могут сюда приплыть только морем, так же как и многие поколения иммигрантов, прибывавшие в Америку. Ведь именно здесь более 150 лет находился основной пункт приема иммигрантов. Мало кто знает, что когда-то давно рядом был еще третий остров, именованный Блэк-Том. В начале XX века его купила железнодорожная компания и засыпала узкий пролив, отделяющий остров от материка, и построила на нем склады. Во время Первой мировой войны они использовались в военных целях. В воскресенье, 30 июля 1916 года, в два часа ночи жители Нью-Йорка и соседствующего с ним

через реку Гудзон штата Нью-Джерси были разбужены мощнейшим взрывом, за которым последовало несколько более слабых. На Манхэттене во многих домах повывлетали стекла, а отголоски взрыва были слышны даже в Филадельфии, расположенной более чем в часе езды от Нью-Йорка. Как выяснилось позже, взорвались склады с боеприпасами, предназначенными для отправки в охваченную войной Европу. Мощность толчка, потрясшего в эту ночь Нью-Йорк, как подсчитано, была эквивалентна землетрясению с магнитудой 5–5,5 балла по шкале Рихтера. Диверсию на складах, как позже установило следствие, осуществили немецкие шпионы.

Точное число жертв этого «акта саботажа», как именовали тогда подобные события, неизвестно. Считается, что погибли около 10 человек и сотни получили ранения. Общий ущерб составил 20 миллионов долларов – сумма по тем временам просто астрономическая. Пострадала и статуя Свободы, находившаяся в непосредственной близости от взрыва, – ее всю изранило осколками. Наиболее серьезные «ранения» получила рука с факелом. С тех пор доступ для посетителей в эту часть статуи закрыт, хотя там есть и лестница, и смотровая площадка, которые используются теперь только техническим персоналом. Просто удивительно, что она вообще устояла в страшном взрыве – ведь, несмотря на свою кажущуюся массивность, она весьма хрупка. Возвели ее из тонких листов меди толщиной немногим более 2 миллиметров. Кстати, инженерное решение конструкции принадлежит Гюставу Эйфелю, имя которого известно всем благодаря знаменитой башне в Париже. Именно Эйфель и его помощник спроектировали мощную стальную конструкцию, которая позволяет нежной медной «коже» статуи колебаться под воздействием температур и ветра, но не разрушаться.

На создание фигуры пошла 31 тонна меди. И вот здесь возникает вопрос – откуда появилась эта медь? Во Франции, где и изготавливалось творение скульптора Бартольди, крупных месторождений меди нет. Есть предположение, что медь эта была закуплена в России. Согласно одной версии, медь была отлита на знаменитом медеплавильном Воскресенском заводе купцов Твердышевых и Мясниковых на реке Торе в Башкирии. Именно по этой реке в то время караваны меди сплавлялись с Урала на Балтику, а уже оттуда в Европу. Согласно другой версии, медь была произведена на заводе Демидовых в Нижнем Тагиле. На интернет-сайте Высокогорского горно-обогатительного комбината, как теперь именуется это предприятие, без всяких сомнений сказано: «Наша медь брала Гран-при на всемирных выставках. Французы были столь восхищены качеством тагильского металла, что применили его для облицовки самой знаменитой статуи в мире. Создавая символ Соединенных Штатов Америки, скульптор Бартольди выбрал для статуи Свободы медь, привезенную с далекого Урала». Честно говоря, мы не смогли найти какого-либо другого подтверждения российского происхождения меди, использованной для создания статуи Свободы. Но выглядит это предположение весьма правдоподобно.

Прочитав о медеплавильных заводах Урала, мы взглянули на статую Свободы совсем иными глазами. Стоя на причале в парке Бэттери, мы представляли себе, как медь, добытая на русских рудниках, отправлялась на баржах реками и морем в Европу; как во Франции из нее рождались тончайшие листы и с помощью деревянных форм чеканились детали будущей статуи. Потом они упаковывались в ящики и отправлялись в далекое плавание за океан. Позже на острове Бедлоу, как раньше именовался остров Либерти, встала гордая женская фигура, символизирующая свет свободы. Проходят годы, уральская медь покрывается благородным слоем патины. И эту патину срывают осколки взрыва немецких диверсантов в годы Первой мировой войны. Но израненная «Леди Свобода» не знает, что ее ждет еще более страшное испытание – наступит век XXI, и рядом с ней вспыхнут адскими погребальными кострами две башни небоскребов, унося тысячи человеческих жизней... Как все удивительно сплелось в этой истории – и времена, и страны.

Но на дворе еще пока конец 90-х, и два близнеца Всемирного торгового центра гордо высятся над парком Бэттери. По заливу деловито носятся экскурсионные пароходики и паромы. В конце зимы в Нью-Йорке часто бывает пасмурно, вот и в тот день над заливом висела легкая дымка, как бы размывавшая очертания статуи Свободы. Зеленоватая медная патина будто растворялась в серо-голубом зимнем тумане, придавая пейзажу благородные холодные тона.

Отсюда мы совершили свое первое путешествие в еще один округ Нью-Йорка, а именно на Стейтен-Айленд. Это – самый обособленный район Нью-Йорка, считающий себя чуть ли не отдельным городом. Но к этому примешивается и чувство обиды на городские власти Нью-Йорка, которые якобы уделяют Стейтен-Айленду меньше внимания, чем Манхэттену и другим округам. Не радовало местных жителей и то, что на территории их округа размещалась знаменитая огромная свалка, которая одно время считалась крупнейшей в мире. Ежедневно сюда приходило по двадцать барж, каждая из которых доставляла 650 тонн мусора со всего Нью-Йорка. В 2001 году свалка была уже на 25 метров выше, чем статуя Свободы, и тогда ее по требованию местных жителей и при поддержке экологов закрыли. Сейчас на этом месте создается большой парк. А вообще, главной достопримечательностью Стейтен-Айленда является исторический комплекс Historic Richmondtown – большой «живой» музей, полностью воссоздающий атмосферу поселения XVIII–XIX веков. Здесь сохранилось даже здание, построенное в 1695 году.

Наступило и время для первых вылазок за пределы Нью-Йорка, и мы отправились на Лонг-Айленд, самый большой остров континентальной части США. Конечно, мы уже бывали здесь – мы ведь даже ступили на американскую землю именно на острове, ведь здесь находится международный аэропорт имени Кеннеди. Не один раз были мы и в Куинсе и Бруклине. Но так сложилась, что население этих округов не считает себя жителями Лонг-Айленда. И когда говорят «Лонг-Айленд», то обычно имеют в виду его обширную восточную часть – округа Нассау и Саффолк. Многие из тех, кто работает на Манхэттене, живут на Лонг-Айленде и тратят довольно много времени на дорогу. Но это никого не останавливает. Жить на Лонг-Айленде – это значит жить рядом с океаном, а это дорогого стоит. Здесь обитает американская аристократия, а округ Нассау вообще считается третьим среди самых богатых округов США.

Но самым удивительным для нас было то, что здесь, по южному берегу Лонг-Айленда, тянутся пляжи, которые имеют статус парков штата и доступны для всех желающих. От Нью-Йорка сюда ехать меньше часа, но ты попадаешь совершенно в иной мир, где природа бережно охраняется. Летом на ближайшем к Нью-Йорку пляже Джонс-Бич многолюдно, но чем дальше вы поедете по берегу, тем более дикими будут места. Уже на следующем пляже – Сидар-Бич – отдыхающих гораздо меньше. И здесь мы увидели удивительную сценку. У небольшого домика, где размещаются раздевалки и душ, стояла очередь. Причем она вела как бы в никуда – просто организованно стояли люди и чего-то ждали. Зачем? Куда может стоять очередь на пляже? Догадаться невозможно. Все стало понятным, когда подошло некое транспортное средство, куда все погрузились и поехали к воде. Оказалось, что по местным меркам на Сидар-Бич парковка находится слишком далеко от воды – примерно в 200 метрах. И вот для тех, кому тяжело идти по песку, ходит шаттл.

Зимой на пляжах Лонг-Айленда никаких удобств нет. Закрываются душевые, и деньги за парковку уже не взимаются. Считается, что все закрыто до весны. Но никто не запрещает приезжать сюда. И вот тогда у вас есть возможность побыть наедине с океаном. Как-то мы приехали на Сидар-Бич зимой. Накануне был сильный шторм, а в тот день светило солнце. Мы были здесь одни! И это совершенно непередаваемое ощущение, когда ты оказываешься наедине с таким величественным чудом, как океан. На берег выбросило множество раковин, причем не обычных для местных пляжей двустворок, а округлых и закрученных моллюс-

ков-трубачей, именуемых здесь knobbed whelk или *Busyson carica*. А на пляже Мозес-Бич в любое время года можно встретить оленей. Людей они совершенно не боятся и занимаются откровенным попрошайничеством. Подкармливать их запрещено, и об этом предупреждают многочисленные плакаты, но и люди, и олени их игнорируют. Разгуливают здесь и серые канадские гуси, отказывающиеся улетать обратно в Канаду, – об этих пернатых мы потом расскажем в другой главе. В кустах мелькают кролики, и однажды весной мы были свидетелями настоящего кроличьего беби-бума – крольчат народилось так много, что их уши буквально торчали из травы на каждом шагу, что выглядело весьма комично.

На Лонг-Айленд мы были готовы ездить каждые выходные. Однако настало время выбраться и за пределы штата Нью-Йорк!

Глава 2. Принстон

О любви с первого взгляда и великих физиках, исландском баране Линди и старых гостиницах, «Борисе Годунове», Мейерхольде и Прокофьеве, а также о некоторых паранормальных явлениях...

Он сразу полюбил Принстон – его ленивую красоту, не до конца понятную значительность...

Фрэнсис Скотт Фицджеральд. «По эту сторону рая»

И вот наступил день, когда мы решили, что готовы, наконец, заглянуть и в соседний штат. Благо дело, надо для этого было всего лишь форсировать (по туннелю или мосту) водную преграду – Гудзон. На его противоположном от Нью-Йорка берегу лежал штат Нью-Джерси. Причин, в силу которых ему предстояло «пасть» первым при освоении нами Америки, было две: во-первых, географическая близость, а, во-вторых, образование физика у одного из авторов. Еще со школьной скамьи мы знали, что где-то в Америке есть удивительный город Принстон, на улицах которого буквально не протолкнуться от ученых, которые уже стали великими или буквально завтра обретут этот статус.

Как показал эксперимент, дорога до цели нашего первого «заштатного», т. е. выводящего за пределы Нью-Йорка, путешествия была весьма простой и, заняв около часа, покорилась с первой попытки. После колоссального Нью-Йорка Принстон кажется особенно маленьким, но именно здесь обосновался один из лучших университетов Америки – Принстонский, входящий в знаменитую Лигу плюща, а также известный на весь мир Институт перспективных исследований.

Сам Принстон – городок тихий и уютный, несущий легко ощущаемый неповторимый шарм интеллектуальной надменности. Как было у других, не знаем, но для нас это стало любовью с первого взгляда – раз и навсегда. Мы потом возвращались сюда много раз. Причем любовь эта, как нам кажется, оказалась взаимной, ибо этот городок каждый раз дарил нам что-то новое, необыкновенно интересное. А на прощание он неожиданно преподнес вообще незабываемый сюрприз, но об этом позже.

Принстон состоит из построенного в старом английском стиле университета, где хозяйничают шумные стаи студентов, и, собственно, самого города. Граница проходит по главной улице – Нассау-стрит. По одну ее сторону стоят обвитые плющом старые университетские корпуса из темного кирпича, среди которых выделяется Нассау-Холл, старейшее здание Принстона, где сейчас обитает администрация университета. Здесь же высится Принстонская университетская церковь – одно из самых красивых зданий кампуса. Конечно, университет богат и современными строениями из стекла и бетона, но они столь умело вписаны в особенности ландшафта и скрыты растительностью парка, что их порой трудно и заметить.

По другую сторону границы, через которую неустанно порхают обитатели студенческого городка, расположился собственно сам город, его жилые и административные здания, крупные и мелкие магазины, рестораны и, как правило, заполненные с самого утра студентами кафе. Тут поселились самые разные, но имеющие каждый свой колорит магазины. Из них самый, на наш взгляд, необычный пристроился почти напротив Нассау-Холл, и, несмотря на скромные размеры, миновать его невозможно. Идя по городской стороне улицы Нассау-стрит, вы обязательно натолкнетесь на грустно стоящего поперек тротуара мохнатого барана с роскошными рогами. Он, конечно, не живой, а привлекающее прохожих

уже не один десяток лет и уставшее от работы чучело. Об этом предупреждает трогательная надпись: «Не садитесь на Линди, он старый и слабый». Линди – талисман магазина «Ландау», который торгует изделиями из ирландской, шотландской и исландской шерсти. Здесь можно купить роскошные клетчатые пледы и шарфы, а также потрясающие кепки из твида. Этот семейный магазин (а фамилия хозяев – Ландау) существует в Принстоне уже почти 60 лет. Исландский баран не случайно стал талисманом магазина – в 80-х годах прошлого века семья Ландау ввозила из Исландии так много шерстяных вещей, что стала там хорошо известна. И когда в США с официальным визитом приехала президент Исландии Вигдис Финнбогадоттир, то на обед в Нью-Йорке были приглашены и супруги Ландау. Говорят, что когда они подошли к госпоже президенту и представились, то она радостно воскликнула: «Да, конечно, вы – та самая шерстяная семья!» Так их с тех пор и величают – The Wool Family.

Весь магазин заполнен теплыми, мягкими, пушистыми вещами, которые непременно хочется потрогать, померить и, конечно, купить. Кстати, цены здесь весьма доступные. Когда же заходишь в самую глубь магазина, то невольно обращаешь внимание на фотографии, развешанные здесь по стенам. Практически на них на всех – Альберт Эйнштейн. И у этой маленькой выставки есть своя история.

В 1994 году в Принстоне снимался фильм I.Q., одним из главных героев которого был Альберт Эйнштейн в исполнении Уолтера Мэттау. И члены семьи Ландау решили на время съемок фильма организовать в своем магазине выставку, посвященную великому физическому, прожившему в Принстоне более 20 лет. Они обратились ко всем жителям города с просьбой одолжить им на время вещи, которые могли бы стать экспонатами. Откликнулись сотни людей – например, почтальон, который приносил почту в дом Эйнштейна, и сантехник, который что-то ремонтировал в его доме. Одна принстонская дама передала на выставку бесценный сувенир – автограф Эйнштейна, который он дал ей в 1934 году, когда она была маленькой девочкой.

Тысячи людей посетили выставку за полгода ее существования. Потом съемки, а за ними через несколько месяцев и выставка, закончились. Все экспонаты вернули хозяевам. Но кое-что осталось – вот эти вещи и хранятся до сих пор в глубине магазина «Ландау». Хозяева магазина утверждают, что это – единственная в США постоянная экспозиция, посвященная Альберту Эйнштейну. Кстати, в 2005 году в Принстоне все-таки поставили памятник великому физическому.

Мы частенько заходили в этот магазин. Однажды одна из продавщиц с любопытством поинтересовалась, откуда мы. Мы сказали, что из России, но работаем и живем в Нью-Йорке. Ее ответ нас поразил – она нисколько не удивилась, что в ее магазин пришли покупатели из далекой России, однако выразила свое сочувствие, что нам приходится жить в Нью-Йорке. «Почему?» – несколько ошарашенно спросили мы. «Да ведь там просто сумасшедший дом! – ответила она. – Я всего один раз побывала в Нью-Йорке, пришла в ужас и больше никогда туда не ездила». Напомним, что Принстон расположен всего в часе езды от Нью-Йорка.

Надо сказать, что нашим путеводителем по Принстону стала небольшая заметка в одной нью-йоркской газете. Тогда там была еженедельная рубрика «Путешествие на один день», рассказывающая о местах, расположенных в часе-двух езды от Нью-Йорка. В этих замечательных «мини-путеводителях» не только прокладывался оптимальный маршрут, но и подробно описывалось, что стоит там посмотреть. А кроме того, предлагались лучшие – с точки зрения автора рубрики – кафе и ресторанчики, гостиницы и экскурсии. Кстати, советы автора рубрики всегда были очень толковыми, в чем мы неоднократно убеждались позже. В Принстоне, например, благодаря этой рубрике нам удалось отобедать в замечательном мексиканском ресторане Tortuga's Mexican Village, где потрясающе вкусно готовят. Но найти этот ресторанчик, расположенный на небольшой улочке в стороне от центра, просто так

невозможно. Поэтому туристов в нем нет, а собираются только свои, которые обязательно приносят с собой пиво, поскольку спиртное здесь не подают.

Принстон – город маленький и какой-то очень сплоченный. Его жители любят разные праздники и фестивали (например, джазовый, на который собирается полгорода). Университетская выпускная церемония проходит на лужайке перед Нассау-Холлом, и здесь же горожане встречают Новый год. Пройдет четыре года после нашего первого приезда в этот город, и мы вернемся сюда встречать вместе с ним наступающий 2000 год. Предварительно мы позвонили в университет и мэрию, и нам сказали, что никаких особых торжеств не планируется – все будет как обычно. Может быть, для жителей Принстона так оно и было, но нам – москвичам – происходившее казалось совершенно удивительным. Сначала горожан пригласили в университетскую церковь на службу. По ее окончании мы собрались было уходить, однако увидели, что никто с мест не встает. Задержались и мы. Каково же было наше удивление, когда на смену священнику и хору вышли джазовые музыканты и дали великолепный концерт. Джаз в католическом храме почему-то звучал торжественно, но одновременно и очень празднично.

Но вот джаз затих. В церковь вошел волынщик в шотландском наряде. Зазвучала незнакомая нам красивая мелодия, все присутствующие встали и вслед за музыкантом вышли из церкви. Волынщик привел нас на лужайку перед Нассау-Холлом к накрытым столам с простым угощением – яблоками, печеньем, конфетами. Никаких алкогольных напитков не предлагалось, хотя, как мы потом убедились, у многих «с собой было». Собравшихся поздравили представители городских властей и университета, а потом начался праздник – звучала музыка, а на огромных экранах можно было видеть встречу Нового года в разных точках планеты. Торжество продолжалось примерно до часа ночи, а потом горожане стали расходиться по домам. Отправились в свою гостиницу и мы.

А гостиница у нас была непростая – мы специально выбрали ее для этого торжественного случая. Несмотря на то что вокруг Принстона разбросано множество гостиниц, в самом городе их всего две. Это «Нассау-Инн», расположенная в самом центре города, и «Пикок» (т. е. «Павлин»). Эти гостиницы, очень старые и уважаемые, прекрасно отвечают духу, царящему в Принстоне. Обе гордятся тем, что в них останавливались многие знаменитости. Так, гостями «Павлина» были Альберт Эйнштейн и Фрэнсис Скотт Фицджеральд.

Идея пожить именно в той гостинице, где останавливался Эйнштейн, показалась нам очень заманчивой. Мы заказали номер в «Павлине», насчитывающем всего 16 номеров и расположенном на почти сельской, тихой улочке несколько в стороне от центра. Увы, служащие так и не смогли сказать, жил ли Эйнштейн в том номере, который достался нам, но очень хотелось в это верить. Втайне мы даже надеялись, что удастся увидеть призрак какого-нибудь из знаменитых постояльцев, но наши надежды так ими и остались, нас никто не потревожил. Видимо, великие привидениями не становятся.

Альберт Эйнштейн был вынужден жить в гостинице в Принстоне до 1935 года, пока не купил дом по адресу: 112, Мерсер-стрит, совсем рядом с Институтом перспективных исследований. В этом научном институте, тесно связанном с Принстонским университетом, он проработал до своей смерти в 1955 году. Найти дом Эйнштейна, зная адрес, труда не составляет, но никаких мемориальных досок или других опознавательных знаков на нем нет. Нас даже предупредили, что нынешние хозяева совсем не приветствуют появление туристов, начинающих мельтешить вокруг и все подряд снимать на свои камеры.

Неподалеку жил и другой известнейший сотрудник этого института – Роберт Оппенгеймер. На соседней крохотной улочке под названием Бэттл-Серкл-роуд живет физик Фримен Дайсон, один из создателей квантовой электродинамики и автор концепции Сферы Дайсона – также сотрудник Института перспективных исследований. А рядом находится дом,

принадлежавший изобретателю телевидения, выходцу из России Владимиру Зворыкину. Об этих людях написаны и пишутся сотни книг, и нет никакого смысла пытаться конкурировать с авторами этих исследований. Можно лишь предположить, что великим – и раньше, и сейчас – легко решать загадки природы под ветвями вековых деревьев Принстона на его зеленых, тихих и уютных улочках.

Наверное, нужно сказать несколько слов и о другой гостинице города – «Нассау-Инн». Она куда больше «Павлина» – в ней 203 номера – и расположена в самом центре города, на площади Палмер-сквер. Особая гордость отеля – небольшой ресторан «Янки Дудл», одну из стен которого украшает панно работы известного американского художника Нормана Рокуэлла. На стенах – фотографии самых знаменитых выпускников Принстонского университета. Причем снимков немного – видимо, отобраны «самые-самые». Не так давно там появилась новая фотография – с нее смотрит выпускница 1985 года Мишель Обама. Но, на наш взгляд, наиболее интересное в этом ресторане – его столы. На массивных деревянных столешницах выпускникам университета разрешается вырезать свои имена и год окончания, а потом это «художество» покрывается лаком.

Мы не будем писать и о самом Принстонском университете, поскольку достаточно открыть любой справочник, и вы увидите список громких имен – тех, кто окончил этот университет и кто работал здесь. Среди них – 33 лауреата Нобелевской премии, в том числе писатель Юджин О’Нил и физик Ричард Фейнман. Напомним имя еще одного выпускника – математика Джона Нэша, лауреата Нобелевской премии по экономике, который живет и работает в Принстоне. Это о нем написана книга и снят фильм *A Beautiful Mind* («Игры разума»), причем съемки проходили именно на территории университетского городка, а некоторые преподаватели даже снимались в массовках. Кстати, если учесть, что на счету Института перспективных исследований 26 нобелевских лауреатов, то можно понять, сколь велик вклад маленького города Принстон в мировую науку.

Однако Принстонский университет знаменит не только своими успехами в области естественных наук. Преподавание гуманитарных наук ведется в нем на самом высоком уровне. И очень большое внимание уделяется искусствоведению и исполнительским искусствам. Нам посчастливилось увидеть собственными глазами результат реализации одного из проектов – на наш взгляд, удивительного, необычного и интересного.

Итак, задание для студентов – поставить спектакль, который никогда раньше не играли на сцене. Спектакль, который был задуман более 70 лет назад, отрепетирован, но не сыгран. Спектакль, для которого была написана великолепная музыка, никогда не исполнявшаяся. Студентам Принстонского университета предлагалось воплотить на сцене замысел Всеволода Мейерхольда, который готовил к отмечаемому в 1937 году 100-летию со дня смерти Пушкина постановку его драмы «Борис Годунов». Режиссер намеревался поставить драму во всей полноте – по тексту Пушкина 1825 года, еще не подвергшемуся царской цензуре, а не по каноническому варианту 1831 года. В спектакле должна была звучать новая музыка, с просьбой написать которую Мейерхольд обратился к Прокофьеву. Уже прошли первые репетиции, и постановка должна была получиться яркой, пронзительной и современной, но судьба распорядилась иначе. В 1937 году театральная деятельность Мейерхольда подверглась разгромной критике, и затем его театр закрыли. В 1939 он был арестован, а годом позже расстрелян. Но в архивах, в том числе в Российском государственном архиве литературы и искусства, сохранились записи, сделанные Мейерхольдом в ходе репетиций спектакля, и ноты Прокофьева.

Идея поставить мейерхольдовского «Бориса Годунова» принадлежала двоим замечательным людям – профессору славянских языков и литературы, известному пушкинисту Кэрил Эмерсон и профессору музыки Саймону Моррисону, одному из крупнейших американских экспертов по творчеству Прокофьева. Кэрил Эмерсон рассказала нам, что проект

стал возможен благодаря трем факторам – интересу со стороны руководства университета, многомиллионному финансовому дару от одного из его выпускников и совпадению интересов зачинателей проекта. «Так сложилось, что был эксперт по Прокофьеву, был человек, увлеченный “Борисом Годуновым”, и были фонды и ресурсы – одним словом, можно считать, что в Принстоне у этой идеи было три автора», – сказала она. И еще она подчеркнула, что поскольку спектакль Мейерхольда так и не увидел свет, то речи о восстановлении постановки не было. «Поскольку мы не знаем, чего хотел добиться Мейерхольд, мы взяли на себя смелость представить, что бы он сделал, доживи до 2007 года», – пояснила она.

В общем, эта идея вылилась в масштабный научный проект, в котором приняли участие несколько факультетов и центров, включая Центр творческих и исполнительских искусств, факультет музыки, факультет славянских языков и литературы, факультет архитектуры, а также университетский оркестр и камерный хор. Открыли проект старшекурсники факультета архитектуры, создавшие осенью 2006 года декорации в стиле Мейерхольда, что фактически стало их курсовой работой. Специально для принстонской постановки известный переводчик Энтони Вуд подготовил новый вариант драмы Пушкина на английском языке. Премьера состоялась в апреле 2007 года в университетском театре. И тогда зрители впервые увидели спектакль на музыку Прокофьева, состоящий из 25 сцен, как это было в исходном варианте драмы Пушкина 1825 года.

Честно говоря, мы ждали премьеры с некоторым скепсисом. Мы думали, что увидим на подмостках принстонского театра «Берлинд», размеры здания которого, по местным меркам, оказались весьма впечатляющими, обычный студенческий спектакль. Первые сцены, по правде говоря, нас несколько ошарашили. Удивительно было видеть летописца Пимена и слышать знаменитую фразу «Еще одно последнее сказанье...» на английском языке, да еще и в исполнении афроамериканца, или лицезреть, как в свите русского царя появляются представители потомков жителей Африканского континента. В жилах Александра Сергеевича текла кровь Африки, но, конечно, он и помыслить себе не мог, что когда-то его «Борис Годунов» будет поставлен в столь далекой и тогда еще столь загадочной Америке. Но прошло всего несколько минут, и все сомнения развеялись. Студенты играли великолепно, и трудно было даже представить, что лишь у некоторых из занятых в спектакле есть сценический опыт. Основная же их часть училась на факультетах, профиль которых весьма далек от театра. Григория Отрепьева великолепно сыграл первокурсник Эдам Живкович, у которого, правда, за плечами было несколько лет сценического опыта и занятий с педагогами.

Премьера прошла с огромным успехом. Весь зал театра, вмещающий почти тысячу человек, был покорен буквально уже с первых минут, когда зрители увидели необычные декорации, и зазвучала удивительная музыка Прокофьева. Прекрасные рецензии опубликовали даже столичные газеты, а «Нью-Йорк таймс», отнюдь не щедрая на похвалы, посвятила этой постановке целых две хвалебные статьи. Приехали и тележурналисты из России, съемку вел Первый канал. Всего было сыграно четыре спектакля.

А теперь – о забавном совпадении. В зале мы столкнулись с мужчиной и женщиной, с которыми встречались всего месяцем ранее. И не просто встречались, а были у них в гостях в Принстоне и брали интервью. Благодаря какому-то невероятному стечению обстоятельств их места оказались прямо перед нашими. Впрочем, возможно, это было не совпадение, а вмешательство каких-то сил, учитывая то, какими исследованиями они занимаются... Роберт Джан и Бренда Данн долгие годы возглавляли в Принстонском университете лабораторию, которая изучала паранормальные явления.

Эта лаборатория обитала в недрах факультета инженерных и прикладных наук, не привлекая к себе особого внимания. Но в начале 2007 года было объявлено, что лаборатория закрывается, и стоило об этом написать газете «Нью-Йорк таймс», как на лабораторию обрушился шквал телефонных звонков и визитов. Интерес к лаборатории внезапно проявили и

Би-би-си, и такие авторитетные научные журналы, как «Сайенс» и «Нейчур». Да и мы узнали об этой лаборатории только из этой публикации – и просто ахнули: сколько раз бывали в Принстоне, а о таком и не слышали.

Правда, узнать о ней было непросто, поскольку ранее газеты и журналы лаборатории предпочитали не замечать. Да и в самом университете о ней старались вспоминать не слишком часто, поскольку круг ее исследований явно лежал в стороне от столбовой дороги науки. Но в действительности лаборатория отнюдь не была безвестна. Ее хорошо знали люди по всему миру, поглощенные изучением таких бесспорных, по их мнению, феноменов, как телекинез и экстрасенсорное восприятие. В лаборатории в разное время работали несколько представителей России, и одна из книг, написанных руководителями лаборатории, была переведена на русский язык и издана в нашей стране под названием «Границы реальности». Лаборатория существовала на пожертвования и гранты от частных лиц, интересовавшихся ее экспериментами. Как нам сказали, в их число, в частности, входил основатель гигантской корпорации «Макдоннел-Дуглас» Джеймс Макдоннел. За время своего существования лаборатория, штат которой был не более пяти человек, получила в общей сложности примерно 10 миллионов долларов. Неоднократно навещали ее Лоранс Рокфеллер, князь Лихтенштейна и другие яркие фигуры из Европы и Азии.

Разыскать «подпольную организацию», официально именовавшуюся Принстонской инженерной лабораторией изучения аномалий, оказалось довольно просто – ее адрес был указан на сайте в Интернете. Между прочим, английская аббревиатура этого названия – PEAR (в переводе на русский «груша») порой становилась предметом шуток. Дозвониться оказалось легко, нас пригласили, и вскоре мы уже спускались на цокольный этаж. Нашли нужную дверь, открыли ее и замерли – на пороге нас встречала большая черная собака. Никакой мистики в этом, конечно, не было, замечательный лабрадор принадлежал руководителю лаборатории, бывшему декану инженерного факультета, профессору Роберту Джану. Вскоре появился и сам хозяин, а также менеджер лаборатории Бренда Данн, проработавшая в ней с 1979 года.

Наши ожидания увидеть современную технику с мириадами мерцающих лампочек и услышать гудение загадочных генераторов не оправдались. Мы сели с хозяевами на диван перед висящим на стене странным устройством, с которого, как можно понять, и начались исследования. Оно представляло собой огромную закрытую прозрачным пластиком кювету. В верхней стенке кюветы – отверстие, из которого с началом эксперимента начинают высыпаться 9 тысяч практически одинаковых шариков из полистирола примерно двухсантиметрового диаметра. Столкнувшись с произвольно установленными нейлоновыми штырьками, они летят вниз, где расположены многочисленные принимающие желобки. Смонтированные в них фотодатчики фиксируют поступление каждого шарика. Такие приспособления используют в институтах в начале курса теории вероятности для демонстрации так называемого распределения Гаусса. Шарик по-разному заполняет желобки – в центральные попадает максимум, а по мере приближения к крайним число попаданий сводится практически к нулю.

Как выяснилось, и диван – подобно его собрату из романа братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» – часть эксперимента. На него усаживали «подопытного», то есть оператора, которому давалось задание сначала думать о том, чтобы в правые желобки попадало при падении больше шариков, в следующем случае (контрольном) не выражать никаких эмоций, а в третьем – сконцентрироваться на том, чтобы больше шариков оказалось в левой части кюветы. Результаты оказались странными. Получалось, что человек может влиять на ход процесса. Нет, это не означает, что стоит сосредоточиться, и вся кривая Гаусса сползает влево или вправо. Эффект составлял лишь какие-то доли процента, и можно было бы махнуть на него рукой, но он упорно повторялся вновь и вновь. Аналогичные результаты

были зафиксированы в экспериментах и с более современным оборудованием, например, с электронным генератором случайных чисел. Проведены были тысячи опытов, собрана мощная статистическая база. Так что наличие какой-то систематической ошибки или инструментального дефекта исключается.

Почему эти результаты так важны? Если этот эффект проявляется при взаимодействии человека со столь грубыми механизмами, как установленные в его лаборатории, то может привести к неожиданным как положительным, так и катастрофическим последствиям при работе оператора с куда более сложными и чувствительными устройствами, будь то компьютеры или технические установки. Отбор операторов, которых были сотни, чисто случаен, и все они были обычными людьми, работавшими бесплатно. Никакой фиксации мозговой активности операторов не велось, поскольку в составе лаборатории не было соответствующих специалистов, да и профиль факультета не позволял заниматься чем-либо подобным.

Своей главной целью сотрудники лаборатории ставили сбор статистики, и эта задача была выполнена. Был накоплен огромный статистический материал, убедительно свидетельствующий о том, что человек силой мысли – пусть незначительно! – может вмешиваться в ход эксперимента. Каждый эксперимент был проведен так много раз, что об ошибке говорить уже не приходилось. И руководители лаборатории сочли, что она свою задачу выполнила, и объявили о ее закрытии. Ведь, по логике, продолжать дальше эти примитивные эксперименты уже не имело смысла – надо было искать объяснение выявленному эффекту. Сами они не являлись специалистами в затронутой их исследованием области и ждали помощи профессионалов. Профессор Джан, например, большую часть жизни посвятил разработке и усовершенствованию ракетных двигателей и является в этой области общепризнанным авторитетом. Виновником же его вторжения в неизведанную сферу стал студент, попросивший ученого стать научным руководителем его работы.

Однако университет никакого интереса к дальнейшим исследованиям не проявил. Мы спросили, не интересовались ли результатами военные. Оказывается, интересовались, и вся полученная информация была им должным образом передана, но никакой финансовой или иной поддержки военные, или какие-либо другие правительственные ведомства не оказывали. Коллеги-ученые, которые заходили, рассматривали результаты, выражали удивление и заинтересованность, потом говорили, что, дескать, нельзя же жертвовать своей репутацией ученого ради не пойми чего.

И тем не менее и после закрытия лаборатории исследования продолжают. Еще тогда, в 2007 году, Бренда Данн сказала нам, что вокруг PEAR уже выросло «грушевое дерево», но некоторые из его «листьев» держат свою принадлежность к нему в тайне. Эта группа единомышленников создала Международную лабораторию изучения сознания (ICRL), куда была передана основная часть собранной информации. Базируется это объединение там же, в Принстоне, однако уже не на территории университета.

Наша дружба с Принстоном продолжалась десять лет. Впервые мы приехали сюда в 1996-м, когда только начиналась наша первая командировка в США, а прощались с ним в августе 2007-го. Погуляли по любимым улочкам, побродили по университету, бросили монетку в фонтан у одного из его корпусов, поужинали и вернулись в гостиницу. Погода была замечательная, вечер был очень теплым, и мы сели на скамеечку. Быстро темнело, и наступил момент, когда сумерки уже вроде заканчивались, а ночь еще не наступила. И в этот короткий период времени вокруг нас вдруг одна за другой стали вспыхивать звездочки. Мы даже не сразу поняли, что это светлячки, зажегшие свои фонарики как по команде. Они вспыхивали и гасли, и вся трава и кусты вокруг были покрыты этим мерцанием. Продолжалось чудо совсем недолго, всего минут десять, а затем, как по команде, прекратилось. Таким вот неожиданным и сказочным салютом сказал нам Принстон «до свидания».

Глава 3. Ламбертвилль и Нью-Хоуп О «Мостах округа Мэдисон», поросятах и апельсиновых корках, старых медных сковородках и ценах на картины Джексона Поллока, французском кафе на реке Делавэр и грифах двух пород, о мулах в отпуске и пенсильванском вине...

Простите, что приходится вас беспокоить, но дело в том, что я ищу крытый мост, но никак не могу найти. Боюсь, что на данный момент я заблудился.

Роберт Джеймс Уоллер. «Мосты округа Мэдисон»

Наше следующее путешествие состоялось также благодаря все той же газетной рубрике «Путешествие на один день». Автор предлагал поехать в штат Нью-Джерси, в округ Хантердон. Он расположен в западной части штата, на берегу реки Делавэр, которая служит здесь границей со штатом Пенсильвания. Журналист с восторгом рассказывал об одном из крупнейших антикварных рынков Америки, о старой ферме – живом музее, о живописных каналах, об очаровательном городе Ламбертвилль с его многочисленными кафе, ресторанами и разными забавными магазинчиками, а также о единственном сохранившемся в штате Нью-Джерси крытом мосту.

Незадолго до этого мы посмотрели замечательный фильма Клинта Иствуда «Мосты округа Мэдисон», где фигурировали именно такие крытые мосты. Поэтому и появилась идея в ближайший же выходной отправиться искать этот мост. Нас тогда просто поразило, что он остался один-единственный в штате. Это уже потом мы узнали, что крытые мосты – это совсем не редкость и что в соседней Пенсильвании таких мостов больше 200, да и в штате Нью-Йорк – более 20, да и в Нью-Джерси он, кажется, все-таки не один. Он просто единственный в Нью-Джерси, сохранившийся еще с XIX века, – был построен в 1866 году. А в штате Айова, где происходит действие известной книги Роберта Джеймса Уоллера, по которой и был снят фильм, таких мостов шесть. Все эти мосты и мостики (некоторые из них совсем маленькие и напоминают скорее крытые пешеходные переходы), бережно сохраняются, и все они внесены в общенациональный реестр. К сожалению, охранять каждый невозможно, а вандалы есть и в Америке. В Айове, например, ставшие знаменитыми после выхода на экраны фильма мосты регулярно поджигают. Да и время берет свое – ведь построено большинство этих мостиков еще в XIX веке. Так что остается их все меньше.

Скажем прямо, несмотря на подробные инструкции, мост мы искали долго. А нашли совершенно случайно – оказалось, что небольшой деревянный туннель, через который мы проехали, и есть тот самый крытый мост. Скромное белое сооружение, именуемое Сергентвилльским мостом, больше всего похожее на грузовой вагон, висело над небольшим ручьем, почти полностью спрятанным в зелени. Мы немного побродили вокруг него, сфотографировали, посетовали, что в кино все всегда смотрится как-то эффектнее, и поехали дальше.

А дальше наш маршрут вел в городок Ламбертвилль. История его довольно необычна. В начале XIX века возникла идея доставлять уголь с севера-востока Пенсильвании в Нью-Йорк. Для этой цели был построена сложная система каналов, включавшая в себя и два вспомогательных канала по обе стороны реки Делавэр. Все было вырыто вручную – для этой работы было нанято 4 тысячи ирландских иммигрантов, многие из которых и нашли здесь свой конец во время эпидемии холеры. В 1834 году канал был открыт, и по его берегам

пошли мулы, тянувшие за собой баржи. Ламбертвилль быстро стал одним из центров всей этой системы. На берегу реки стали появляться одна за другой кирпичные здания фабрик, производивших самые разные товары. Город процветал до тех пор, пока канал был главной транспортной артерией, а когда основным средством сообщения стали грузовики и железные дороги, город начал тихо умирать. И на некоторое время он превратился в бедного родственника своего соседа – городка Нью-Хоуп, расположенного на другой стороне реки Делавэр.

Кстати, в XVIII веке оба города именовались одинаково: Кориэл'с Ферри (т. е. Паром Кориэла, по имени его владельца). А свое нынешнее необычное название, означающее в переводе на русский язык Новая Надежда, город получил после сильных пожаров, уничтоживших в том числе и несколько мельниц. Надежды на возрождение города и дали новое название. В XX веке Нью-Хоуп сумел превратить себя в туристический центр, а вот Ламбертвилль, несмотря на близкое соседство, переживал нелегкие времена. Однако в 70-х годах и этот город нашел свою нишу – здесь, в зданиях тех самых заброшенных фабрик, стали открываться художественные галереи и антикварные магазины, сюда стали переезжать жить художники, и Ламбертвилль обрел славу центра искусств. Оказалось, что немало интересного есть и поблизости, в других городках – и на берегу Делавэра сложился новый туристический центр.

Но по дороге в Ламбертвилль мы решили заехать в расположенный рядом необычный музей под открытым небом. Называется он Howell Living History Farm. Это «живой» музей – настоящая ферма, существующая с 30-х годов XVIII века, хозяйство в которой ведется так, как это было в Нью-Джерси на рубеже XIX–XX веков. Последняя владелица – Инес Хоуэлл – подарила ферму округу Мерсер с просьбой создать здесь музей. В своем завещании она написала, что хотела бы видеть на этом месте «живую историческую ферму, где посетители и особенно дети могли не только увидеть, как жили в давние времена, но и попробовать это самим – подоить корову, собрать яйца в самодельную корзинку, расчесать шерсть, прясть и ткать».

Завещание Инес Хоуэлл выполнено – ферма жива и процветает, и каждый приехавший сюда может увидеть, как пашут на конях-тяжеловозах, как варят кленовый сироп, взвешивают свиней, собирают мед. На сайте музея публикуется график сельскохозяйственных работ, и каждый желающий может приехать и посмотреть (или поучаствовать). На тот выходной, когда мы собрались в Нью-Джерси, была назначена стрижка овец. Барана по имени Винсент стригли огромными старинными ножницами, очень аккуратно. И пока он оглашал окрестности жуткими криками, явно намекая то, что его собираются зарезать, служитель музея пояснил, что столь осторожно стригут только овец, у которых есть имя. Остальных стригут потоком, и там уже не до деликатности. Однако, несмотря на все меры предосторожности, Винсента все-таки слегка задела ножницами, он поднял страшный крик, и все бросились оказывать ему первую помощь. Потом две замечательные овчарки устроили представление, продемонстрировав, как надо загонять овец. И еще нам разрешили подержать на руках маленьких ягнят. Мы погуляли по ферме, встретились с местным кузнецом по имени Антон, купили у него выкованную им ложку. Погладили лошадей, познакомились с амбарными кошками, полюбовались на быков. Но подлинной звездой этого дня для нас стал поросенок, который с аппетитом обедал – причем в его миске лежали апельсиновые корки, что, на наш взгляд, было некоторым отклонением от сельскохозяйственных технологий XIX века. Тем не менее, поросенок был явно в восторге, и, покончив с обедом, он чинно прошествовал к персональной луже, где и улегся, подставив бок солнцу. И нам стало ясно, что мы стали свидетелями настоящего поросячьего счастья.

Как-то сразу стало понятно, что и нам бы тоже неплохо было подкрепиться. Чашка кофе, конечно, ни в какое сравнение с апельсиновыми корками не идет, но и она, если

появляется вовремя, всегда кстати. Но чашка кофе ждала нас где-то в Ламбертвилле, а нам надо было заехать в еще одно замечательное место – антикварный рынок Golden Nugget, т. е. «Золотой самородок». А закрывается этот рынок, который работает три дня в неделю, довольно рано.

«Золотой самородок» существует с 1967 года и считается одним из крупнейших на Восточном побережье США, да и вообще в Америке. Сюда по средам, субботам и воскресеньям съезжаются торговцы со всех близлежащих штатов. Есть и такие, кого всегда можно застать здесь, а некоторые появляются только изредка. Ассортимент товара одних чрезвычайно разнообразен, а другие торгуют товарами какого-то одного направления. При этом надо учитывать, что понятие «антиквариат» в США отличается от европейского – для американцев и 60 лет древность. Здесь много книг, картин, посуды, украшений, а также всякой домашней утвари. Нас поразили прилавки, где были разложены многочисленные замки и ключи, а также замочные скважины самого диковинного вида. Другой постоянный продавец специализировался исключительно на женских брошках – они были разложены у него по периодам. Вот брошки 40-х и 50-х годов – здесь преобладают цветочные мотивы. Вот пошли 60-е годы, и появились телефоны и самолеты, а в 70-х преобладали всякие зверушки. Был самый разгар дня, но многие продавцы уже начинали складывать свой товар. Стали собираться и мы, и тут у выхода наше внимание привлек прилавок со старой посудой. С краю, горделиво сверкая на солнце, стояли медные чайники, сковородки, кофейники и разные другие посудины не совсем понятного назначения. Стоила эта красота хотя и не очень дорого, но и не дешево, однако хозяин уже собирался покидать рынок и, видимо, решил, что пора расстаться с этим товаром. В общем, цену он сбросил быстро, и вскоре мы покидали рынок, прижав к груди старинный пузатый медный чайник и две роскошные медные сковородки.

Вот тогда-то, наверное, мы и открыли для себя в Америке замечательное развлечение. Те, кто не любит старые вещи, нас не поймут. Это счастье только для тех, кто любит копаться в старых книгах и вещах в поисках сокровищ. Кстати, среди американцев таких немало. И в Америке существует немало мест, где можно погрузиться в мир старых вещей. Во-первых, антикварные магазины. Причем речь не идет о дорогих магазинах в центре Нью-Йорка, а о крохотных магазинчиках в небольших городках. Цены там невысокие, а находки могут быть совершенно неожиданными. В Ламбертвилле таких магазинов множество – заходи, смотри. И никто не осудит тебя, если ты ничего не купишь. Кроме того, существуют еще блошинные рынки – flea markets. Работают они, как правило, только в выходные. И тут можно провести целый день, потому что некоторые такие рынки занимают огромную площадь. Но удачные находки здесь на самом деле редкость, потому что сюда привозят много барахла – типа бракованных маек или джинсов. Есть еще такое явление, как yard sale. Это когда хозяин вдруг решает, что в доме много лишних вещей, и просто выносит их на лужайку перед домом. И ставит табличку с надписью «Yard sale». Проезжающие мимо останавливаются, копаются в вещах, что-то выбирают. Цена обычно символическая – большинство вещей можно купить за доллар-два. Вот здесь можно натолкнуться на самые неожиданные и даже очень ценные вещи. У ярд-сейлов есть несколько модификаций – типа moving sale, когда вещи распродаются в связи с переездом. Или вот estate sale – это когда люди быстренько распродают ненужные им вещи, доставшиеся в наследство. Попадают здесь иногда действительно ценные вещи, о реальной цене которых наследники и не подозревают. О таких распродажах заранее часто печатают объявления в местных газетах.

Но весьма распространена в Америке и такая вещь, как thrift shop. Исключительно, на наш взгляд, вещь полезная и интересная. Это – благотворительные магазины, куда американцы сдают все вещи, которые им не нужны. Там их сортируют и выставляют на продажу за символическую цену. Принадлежат эти магазины, как правило, крупным благотворительным организациям типа Армии спасения или Goodwill, но есть и одиночные, работающие на

какой-нибудь фонд или организацию. Польза от таких магазинов огромна. Во-первых, там вполне могут одеваться и обзаводиться хозяйством самые бедные американцы. Остальные с радостью пользуются возможностью избавиться от лишних вещей. Причем, сдавая вещи, можно взять квитанцию и получить потом налоговые вычеты. Ну и, кроме того, в этих магазинах можно просто походить, посмотреть и покопаться, потому что вещи сюда попадают самые разные – картины, книги, посуда, мебель, техника и даже ювелирные украшения.

Честно говоря, мы не сразу поняли, что такое thrift shop. Достаточно долго мы считали, что это – просто благотворительные магазины для самых бедных. Открыла глаза нам жена одного из наших корреспондентов, долго жившая в США. Как-то мы ехали вместе с ней на машине, и вдруг она решительно сказала: «Ребята, справа thrift shop – надо остановиться». Это потом мы были ей страшно благодарны, а тогда, честно говоря, предложение зайти в такой магазин несколько нас шокировало. Нам казалось, что заходить в такие магазины просто стыдно. Но мы зашли и были потрясены. Как раз бедных покупателей в нем не было совсем. В отделе одежды вообще никого не было, зато несколько человек разглядывали картины на стенах и книги на полках. Прекрасно одетая дама внимательно изучала бокал из тонкого стекла. Потом и мы стали постоянными посетителями таких магазинов и увидели, какая почтенная публика заходит в эти заведения в поисках сокровищ. Постоянные покупатели здесь, например, букинисты. Как-то раз мы оказались у книжных полок рядом с двумя почтенными представителями этой профессии, которые внимательно исследовали выставленные книги, сетуя при этом на то, что Интернет губит их бизнес. Люди перестают ходить в букинистические магазины, а предпочитают покупать книги на букинистических сайтах. Довольно часто видели мы молодых ребят и девушек с длинными списками в руках. Это – так называемые букскауты, прочесывающие благотворительные магазины по заданию букинистов. А нередко видели молодых людей, сидящих на полу с компьютером – эти ребята сами продают книги через Интернет. Они берут заинтересовавшую их книгу с полки и смотрят, за какую сумму ее можно продать.

Найти в таких магазинах можно все, что угодно. Ну, например, неизвестную картину известного художника. Вот – совершенно замечательная история, которая началась в 1987 году в магазине Армии спасения в Калифорнии. Пенсионерка Тери Хортон обнаружила там огромное полотно, являющее собой беспорядочное переплетение желтых, красных и синих линий. Сама картина показалась ей просто уродливой, но она купила ее за 5 долларов с одной целью – развеселить подругу, переживавшую далеко не лучшие времена. Позволить себе более дорогую покупку Тери просто не могла – на пенсию она вышла незадолго до этого, а прежде работала водителем грузовика.

Картина действительно вызвала улыбку на лице подруги, однако оказалась слишком большой для ее дома. Тери Хортон решила расстаться с картиной, но перед этим проконсультировалась со знакомым искусствоведом. Тогда-то она в первый раз в жизни и услышала о классике американского абстрактного экспрессионизма Джексоне Поллоке, работы которого оцениваются в десятки миллионов долларов. Далее последовали другие консультации. Решающим для Хортон моментом стала экспертиза, проведенная канадским специалистом Полом Биро. Он заявил, что об авторстве Поллока свидетельствуют не только техника и материалы, но отпечаток пальца самого художника. Большинство искусствоведов, однако, отказывалось признать авторство Поллока – у них не вызвала доверия ни сама Тери Хортон, ни картина, приобретенная при забавных обстоятельствах.

Спор этот тянется уже долгие годы. За это время сама Тери стала знаменитостью. О ее борьбе с профессионалами-искусствоведами слагали легенды и даже сняли документальный фильм. А предложения продать картину поступали непрерывно. В частности, с предложением продать полотно за 9 миллионов долларов к ней обратился некий покупатель из Саудовской Аравии. Но пенсионерка гордо отказывалась, видя, как растут цены на творения

Поллока. А в 2006 году его работа «Номер 5, 1948» была продана на аукционе «Сотбис» за 140 миллионов долларов и стала самой дорогой картиной в мире на тот период. Тут уж Тери заявила, что меньше, чем на 50 миллионов, она не согласна. Именно за такую цену она выставила картину на продажу в 2007 году в галерее в Канаде. Насколько мы знаем, за такую цену никто ее так и не купил, а споры между искусствоведами продолжаются до сих пор.

Вдохновленные «уловом», добытым на антикварном рынке, мы приехали в Ламбертвилль, где долго и с удовольствием бродили по его улочкам, разглядывая домики XVIII и XIX веков, зашли в две художественные галереи, расположенные в старом фабричном кирпичном здании по соседству со школой фехтования. А потом погуляли вдоль канала, который идет параллельно реке Делавэр. Там, где раньше мулы тащили баржи, теперь проложены дорожки для пешеходов и велосипедистов. А в самом канале плавают утки. Вышли на берег Делавэра и как-то незаметно оказались на мосту. Дошли до конца, и вот мы уже в другом городе – Нью-Хоупе. Здесь-то мы набрали на небольшое, спрятанное в маленькой боковой улочке французское кафе под названием *C'est La Vie*. И с тех пор, когда бы мы ни приезжали в эти края, мы всегда заходили сюда. Здесь неплохой кофе, хотя и сварен, конечно, по-американски, и замечательная выпечка. А самое главное, что можно сесть на открытой веранде на берегу реки. И сидеть здесь можно бесконечно, глядя на крохотный туристический паромик, на уток и лебедей, а также прочую неторопливую речную жизнь.

Нью-Хоуп – городок весьма примечательный. Несмотря на свои скромные размеры и население, немногим превышающее 2 тысячи человек, он смог превратить себя в настоящий туристический центр. Однако в то же время ему удалось сохранить уют и спокойствие, и журнал «Форбс» в августе 2007 года даже назвал его в числе городов, где лучше всего покупать дом для проведения отпуска. Здесь существуют как вся необходимая туристическая инфраструктура, так и небольшая индустрия развлечений – например, театр и музеи, не говоря уже о многочисленных художественных галереях. Гостей ждут маленькие ресторанчики и множество крохотных магазинов, торгующих всякой всячиной, в том числе поделками местных мастеров. Особенно много керамики, причем весьма необычной.

Для любителей животных, особенно орнитологов, эти края – просто подарок. Утки здесь повсюду, так же как и дикие гуси, а на Делавэре часто можно видеть одну-две пары лебедей. Здесь не только не запрещено их кормить, а, наоборот, это только приветствуется. Во многих магазинчиках вдоль реки можно купить пакетики с кормом для водоплавающих – они просто стоят у кассы. Такие пакетики выставлены даже кое-где на улице – положи монетку и бери. В конце весны мы всегда ездим в эти края посмотреть на гусят и утят. По каналу плавали многочисленные выводки пушистых комочков – страшно дисциплинированные, они поворачивали дружно по маминой команде. Многие утки – ручные и охотно берут корм из рук. Однажды, проходя мимо небольшого прудика, мы услышали сердитое кряканье и обнаружили, что за нами шествует утка. Она так и сопровождала нас долго по улице, сердито крякая и требуя, чтобы мы шли помедленнее. Она, видите ли, не успевает за нами! В том же прудике и питающей его речушке живут какие-то большие рыбы неизвестной нам породы, которых туристы кормят с моста.

Но самые колоритные представители мира пернатых обитают на площади в районе местного театра. Это место облюбовали грифы двух видов – черный гриф-катарта и гриф-индейка. По размерам им, конечно, далеко до их родственников кондоров, но выглядят эти существа внушительно. Размах крыльев грифа-индейки составляет 1,7–1,8 метра. В Нью-Хоупе много ресторанов, а у каждого стоит мусорный бак с объедками, так что для этих «помоечников» здесь раздолье. По некоторым подсчетам, к ужину их собирается от 50 до 100 особей. Городские власти забились тревогу, ищут способы изгнать грифов – уничтожить их невозможно, поскольку, как и другие представители дикой фауны, они находятся под охраной закона. Но делать что-то надо – вид этой черной стаи пугает туристов, не слишком

увлекающихся орнитологией. Один из горожан посетовал: «Так мы скоро станем похожи на какую-нибудь страну третьего мира».

В Нью-Хоупе параллельно Делавэру также прорыт канал. И по нему до 2007 года ходили мулы, которые тянули по каналу некое мелкое подобие баржи. Только возили эти так называемые баржи уже не уголь, а туристов. Мулы шли неторопливо, чинно вышагивая по дорожке, не обращая ни на кого внимание. Этим красавцев было четверо – Долли, Дот, Даффодил и Джо. Но сейчас, насколько мы знаем, встретить их в Нью-Хоупе невозможно. После нескольких наводнений в 2004–2006 годах оказалась сильно поврежденной система, включающая в себя 25 шлюзов, 9 акведуков и 106 мостов. Канал остался без воды. В 2007 году аттракцион закрыли, а мулов отправили гулять на какое-то пастбище, где они ждут того дня, когда они смогут вернуться к работе. Шлюзы вроде бы отремонтировали, и экскурсии с мулами собирались восстановить еще в 2010 году, но, кажется, они пока так и не вернулись. Можно, правда, совершить поездку на стареньком паровозе, сохранившемся с незапамятных времен, так же как и крохотная станция. Здесь несколько маршрутов – есть даже экскурсия, на которой вас угостят вином и расскажут о винодельнях Пенсильвании. Здесь их около ста. Да-да, в Пенсильвании делают вино, и даже очень неплохое. И в этом мы убедились, заехав на одну из местных виноделен – Sand Castle Winery. Там производят каберне-совиньон, рислинг, шардоне и пино-нуар. Кстати, винодельня эта довольно молодая – ее создали выходцы из Чехословакии, братья Джозеф и Пол Максидан, иммигрировавшие в США в 1969 году. Свой виноградник они заложили в 1985 году, а первое вино продали в 1988 году.

А совсем неподалеку, в городке Дойлстаун, есть очень необычный музей предметов ручной работы, от которых стали избавляться в конце XIX века, заменяя продукцией, сотворенной машинами. Историк и археолог Генри Мерсер собрал около 40 тысяч таких предметов – различные инструменты, повозки, лодки и т. д. – и сам построил для них здание. Он действительно своими руками три года строил это шестиэтажное здание, а помогали ему только восемь рабочих и лошадь по имени Люси. Причем имена рабочих история не сохранила, а память о Люси жива и по сей день. Это было первое здание в США из бетона. Говорят, что известный промышленник Генри Форд считал музей Мерсера единственным достойным посещения в стране.

Одним словом, в этих местах много интересного, хотя ни в каких путеводителях по Америке вы об этом не прочтаете. Вообще, в Америке все самое интересное находится вдали от шоссежных дорог, и путешествовать надо по маленьким дорожкам, сворачивая с наезженных магистралей.

Глава 4. Кейп-Код

О пилигримах с «Мэйфлауэр», шведской певице Йенни Линд, нобелевском лауреате Гульельмо Маркони, любопытных китах, секс-меньшинствах, а также о Бостоне – городе университетов и музеев – и о приключениях картин русских художников в штате Массачусетс...

*Кейп-Код – это обнаженная и согнутая рука Массачусетса: плечо находится в заливе Баззардз, локоть, или crazy-bone, на мысе Маллебар, запястье в Труро, а песчаный кулак – в Провинстауне...
Гэри Торо. «Кейп-Код»*

*В городках Новой Англии, точно вышедших из прибой, вдоль всего побережья, поблескивая рябою чешуей черепицы и drankи, уснувшими косяками стоят в темноте дома, угодивши в сеть континента, который открыли сельдь и треска.
Иосиф Бродский. «Колыбельная Трескового мыса»*

До штата Массачусетс от Нью-Йорка совсем недалеко, но почему-то поездка туда все не складывалась. А ведь это места, откуда начиналась нынешняя Америка, – именно в Массачусетс приехали первые переселенцы-пилигримы и именно отсюда идет традиция праздновать День благодарения с его обязательной индюшкой. Здесь находится Бостон – по-американски аристократичный город. Но наше знакомство с этим штатом началось с мыса Кейп-Код. Тогда мы ждали друзей из Москвы, с которыми вместе хотели провести недельку у океана. Они уже видели Флориду с ее океанскими пляжами, а мы решили показать им северные пляжи – своего рода американскую Прибалтику. Но тут в Москве грянул кризис, друзья не приехали, вот мы и поехали на Кейп-Код одни.

Кейп-Код, или Тресковый мыс, – это полуостров на северо-востоке США – самая восточная точка штата Массачусетс. Он далеко выдается в Атлантический океан, напоминая по очертаниям руку, согнутую в локте. Фактически Кейп-Код уже не может считаться полуостровом, поскольку в начале XX века был прорыт канал, отделивший его от материка. Именно сюда – на Кейп-Код – в 1620 году приплыл корабль «Мэйфлауэр» с переселенцами, основавшими здесь Плимутскую колонию. Один из пляжей полуострова носит название First Encounter, или «Первая встреча» – именно здесь, как говорят, пилигримы впервые натолкнулись на индейцев. Всего на «Мэйфлауэре» было 102 пассажира, и их имена хорошо известны. Многие из них стали родоначальниками династий, среди представителей которых немало известных людей. Например, актер Клинт Иствуд, основатель журнала «Плейбой» Хью Хефнер и создатель компании «Кодак» Джордж Истмэн являются потомками Уильяма Бранфорда. Мэрилин Монро происходила из рода Джона Элдена, так же как и поэт Лонгфелло и два президента США – Джон Адамс и Джон Куинси Адамс. А среди потомков Уильяма Брюстера был один президент и несколько вице-президентов США, а также Ричард Гир и Кэтрин Хепберн. Художник Луис Тиффани, актриса Джоан Вудворд и президент США Франклин Делано Рузвельт ведут свой род от Исаака Аллертонна. Родословную переселенцев скрупулезно отслеживает расположенное здесь же, в городе Плимуте, Общество потомков пилигримов «Мэйфлауэра».

К моменту появления европейцев мыс был покрыт густой растительностью. Однако очень быстро от леса мало что осталось, поскольку новые обитатели вырубали его на дрова, а также для посадок привычных им культур. То, что не вырубил пилигримы, доели завезенные ими овцы. Так что потрясающие песчаные дюны, которыми славится теперь Кейп-Код, – это продукт деятельности европейцев. Дело дошло до того, что к началу XIX века древесину сюда же завозили из штата Мэн, а вскоре и занятие сельским хозяйством стало практически невозможным. Местное население полностью переключилось на рыболовство и китобойный промысел. Сейчас значительная часть Кейп-Кода – это национальный парк, поэтому строительство здесь запрещено. Решение об объявлении этого района заповедником принял президент Кеннеди в 1961 году. Для Кеннеди и его семьи – это родные места. Здесь, в Хайанниспорте, находится их фамильное поместье. По сути, по Кейп-Коду идет всего одна дорога – от моста через канал, отделяющий его от материка, до самой северной оконечности. Здесь нет многоэтажных домов и гостиниц – местные жители обитают в одно- или двухэтажных домиках, и такие же домики приспособлены под гостиницы. Несмотря на то что туристический сезон здесь короткий – фактически это один только месяц август – американцы ездят сюда очень охотно. Если вы хотите отдохнуть на Кейп-Коде в августе, номера в гостиницах надо заказывать чуть ли не за год.

Кейп-Код необычайно живописен. Океанские дали – с одной стороны, залив – с другой; песчаные дюны и зеленые холмы, похожие на игрушечные домики, украшенные корзинками с цветами, и магазинчики со всякими сувенирами преимущественно морской тематики. И, конечно, маяки – без которых еще совсем недавно судоходство было невозможно в этих краях. И хотя выглядят они совершенно игрушечными, практически все они продолжают нести службу. Здесь еще сохранились ветряные мельницы, которые тоже поддерживаются в идеальном порядке.

Но помимо симпатичных маяков и мельниц попадаются еще и некие сооружения в виде башен. Одна из них – самая высокая – построена в городке Провинстаун в память о пассажирах «Мэйфлауэра». Она именуется Башней пилигримов. Еще одна башня высотой около 10 метров стоит на высоком холме у города Деннис. Возведена она в память о семье Тоби, жившей в этих краях в начале XIX века. С нее открывается великолепный вид на залив Кейп-Код. Но самая интересная – третья. Внешне она напоминает зубчатую башню средневекового замка. Только вот никакого замка нет, а торчит себе башенка среди зелени, неизменно привлекая внимание всех, кто оказывается рядом.

Когда-то эта башня и ее близнец украшали железнодорожный вокзал в Бостоне. Легенда гласит, что в 1850 году в этом городе дала единственное выступление прославленная шведская оперная певица Йенни Линд. Она тогда была невероятно популярна, ее голос сводил с ума всех. Говорят, что в нее был влюблен великий сказочник Ганс-Христиан Андерсен и она вдохновила его на создание нескольких сказок, в том числе и «Соловья». Некоторые биографы считают, что именно Йенни Линд, отвергнувшая любовь Андерсена, стала прообразом Снежной королевы. В Америке она дала более ста концертов, билеты на которые распродавались в одночасье, и залы не могли вместить всех желающих. Так случилось и в Бостоне. Начались настоящие беспорядки – толпа требовала открыть двери зала, где уже шло выступление. И тогда дива прервала свой концерт, поднялась на башню расположенного рядом вокзала и пела оттуда для всех бостонцев. Когда спустя много лет здание было снесено, один из поклонников таланта Йенни Линд разобрал башню и перевез ее на Кейп-Код, где ему принадлежал участок земли. Так и стоит там теперь эта зубчатая башенка, именуемая Башней Йенни Линд (американцы произносят Дженни). Все это, скорее всего, легенда, поскольку не все складывается с датами, да и в газетных архивах не удалось найти подтверждения, что Линд дала столь необычный концерт, но легенда на то и легенда, чтобы не нуждаться ни в каких доказательствах.

А вот другая знаменитость, имя которой оказалось на карте Кейп-Кода. Здесь нет никаких легенд – все достоверно и точно. Один из пляжей полуострова носит имя лауреата Нобелевской премии, маркиза Гульельмо Маркони. Да, того самого Маркони, который вместе Николой Теслой и нашим Александром Степановичем Поповым делит славу изобретателя радио. Здесь находилась созданная им станция, откуда в декабре 1901 года ему удалось организовать первую радиосвязь через Атлантический океан, а в конце следующего года была налажена регулярная трансатлантическая радиосвязь. От радиомачт тех времен сохранились только основания.

На Кейп-Код приезжают, чтобы гулять по берегу, кататься на велосипеде, плавать на лодке, играть в гольф. Но самая главная достопримечательность, из-за которой сюда едут туристы, – киты. Из Провинстауна каждый день выходит в океан множество суденышек, на которых туристов возят смотреть на китов. Самое удивительное заключается в том, что если вы отправитесь в такую поездку, то китов увидите обязательно. Злые языки утверждают, что хозяева этих суденышек просто подкармливают этих красавцев, вот они и ждут прихода судов. Но это маловероятно: ведь это – морской заповедник. Киты здесь находятся под защитой Закона об охране морских млекопитающих, а также Закона об исчезающих видах. Эти законы запрещают не только убивать, ловить, охотиться на местных морских обитателей, но и причинять им любой вред.

На самом деле, объясняют биологи, киты очень любопытны. Вполне возможно, что люди на маленьких корабликах для них такое же зрелище, как и киты для нас. По крайней мере, в нашем случае встреча с китом не заставила себя ждать. Мы шли от берега всего минут двадцать, когда из воды появились два любопытных глаза. А потом примерно полчаса для нас давалось настоящее представление – кит выпрыгивал из воды, переворачивался в воздухе и практически бесшумно входил обратно в воду. Это было невероятно красиво, хотя нашему суденышку досталось – его кренило с бока на бок. Группа японских туристов только и успевала подхватывать свои фотоаппараты. Кстати, сфотографировать это шоу нам так и не удалось. Каждый раз фотоаппарат срабатывал, когда кит уже входил обратно в воду. Так и осталась у нас куча фотографий с торчащим из воды хвостом, к тому же покалеченным в какой-то встрече с неизвестным хищником. Но воспоминания останутся на всю жизнь.

Провинстаун – забавный городишко. Хотя киты – это, безусловно, его главная достопримечательность, здесь еще много интересного. Сам он состоит из маленьких деревянных домиков со стенами, крытыми дранкой. Домики эти в некоторых местах соединены затейливыми переходами и лесенками. В крошечных двориках можно обнаружить магазины, торгующие всякой всячиной, обычно совершенно бесполезной, но очень симпатичной. Недалеко от пирса находится необычный магазин «Марин спешиаэлитиз». Основная его продукция – это всякие морские принадлежности, причем не новые. Например, здесь продается старый водолазный костюм. А также можно найти спасательный круг и всякие диковинные рыболовные снасти. Но, помимо этого, здесь продается различная армейская и флотская атрибутика. Можно купить целиком военную форму какой-нибудь страны, например, весьма привлекательно выглядело платье-форма женщины-солдата швейцарской армии. В ящиках лежат пуговицы от армейской и флотской формы. Можно подобрать и полевой рюкзак, правда, все они сильно потрепанные. А кроме того, магазин торгует всякой всячиной, в просторечье именуемой дребеденью, но, как правило, забавной.

В Провинстауне неисчислимо количество магазинчиков, кафе, ресторанчиков, крохотных гостиниц. Здесь есть музеи и множество маленьких картинных галерей. В городе царит безмятежная, немного богемная атмосфера. И не случайно, что этот город очень любят представители мира искусства, а также секс-меньшинства. Однополые пары любят приезжать сюда на отдых – причем отдых семейный. И на улочках Провинстауна часто можно видеть двоих мужчин, один из которых катит коляску или несет ребенка на руках. Нам дове-

лось увидеть здесь забавную сцену, когда на парковку въехал старый лимузин, весь в наклейках Американского легиона. Как известно, это – организация, придерживающаяся крайне консервативных взглядов в вопросах внешней и внутренней политики, а также морали. Из машины вышел седой господин весьма решительного вида, а на заднем сиденье остались сидеть двое белобрых ребятшек, видимо, внуки. Увиденное вокруг так поразило его, что он, казалось, сначала просто не поверил своим глазам. Вокруг неторопливо прогуливались пары, состоявшие из двоих мужчин или двух женщин. Седовласый господин бросился обратно в машину, плюнул на дорогу и, резко развернувшись, уехал, дабы избавить детишек от вида этого греха.

А на самом деле одно из самых ярких воспоминаний от Кейп-Кода – это простой овощной прилавок на обочине дороги недалеко от нашей гостиницы. На нем каждый день были разложены свежие овощи и фрукты, дары местной фермы. Продавца мы не видели ни разу. Видимо, он был занят в своем саду или огороде. На лотке стояла надпись «Деньги кладите в коробку», а цены были указаны не за вес, а за количество. К прилавку постоянно подъезжали машины; все исправно следовало инструкциям. Мы и сами покупали там фрукты и овощи, причем все было очень вкусное – явно только что с грядки.

Казалось, что все построено на доверии и честности. Однако, как оказалось, какой-то контроль всему происходящему все-таки незримо велся. Однажды мы обнаружили рядом с уже привычной надписью еще одну примерно следующего содержания: «Вчера водитель зеленого “форда” взял яблоки и не заплатил». Далее вежливо выражалась надежда, что тот просто забыл оставить деньги и сделает это в следующий раз. Прочитав все это, мы невольно посмотрели по сторонам, но ничего, кроме густой зелени, не увидели. Незримого ока массачусетского фермера обнаружить не удалось.

От Кейп-Кода до Бостона совсем недалеко. На пароме это около полутора часов. Есть даже авиасообщение – регулярные рейсы осуществляет местная авиакомпания Cape Air. И, конечно, возник соблазн съездить на один день в Бостон. Мы сразу стали строить планы относительно того, что нужно посмотреть в этом городе, но поняли, что одного дня нам никак не хватит. Ведь Бостон – это город музеев и университетов. Считается, что в самом городе и его окрестностях около ста высших учебных заведений, включая прославленный Гарвард. Вот и решили отложить мы свою поездку до следующего раза. Вдруг возникнет какая-нибудь командировка или будет просто несколько свободных дней. И, как оказалось потом, мы совершили большую ошибку, что не съездили тогда в этот город, потому что следующая возможность у нас появилась только через восемь лет. И все равно времени на то, чтобы посмотреть все, что хотелось, так не хватило. Ведь Бостон, да и весь штат Массачусетс – это музеи, музеи, музеи...

В Бостоне находится великолепный Музей Изабеллы Стюарт Гарднер. Знаменит он не только своей прекрасной коллекцией, но и тем, что стал жертвой одного из самых крупных в истории и так до сих пор не раскрытого ограбления. В 1990 году в музей проникли преступники в полицейской форме и вынесли с собой тринадцать картин. Среди них «Концерт» Вермеера, три полотна Рембрандта, в том числе его единственный известный морской пейзаж, а также работы Мане и Дега. На месте этих картин теперь пустые рамы, и с каждым днем остается все меньше надежд на то, что картины будут найдены и вернутся на место.

Прекрасная коллекция собрана в Музее изобразительных искусств Бостона. Это – один из крупнейших музеев США, где представлено около полумиллиона экспонатов. При нем существует художественная школа – высшее учебное заведение. И вот интересный факт: в 30-х годах здесь преподавал (и руководил отделением живописи) русский художник Александр Яковлев. Он доводился родным дядей Татьяне Яковлевой, в которую был влюблен Маяковский. Именно дядя помог ей уехать из России в Париж, где она и встретила с поэтом. Говорят, оформить вызов для племянницы помогло сотрудничество художника с

компанией «Ситроен». Она организовала для Яковлева в 1931–1932 годах экспедиции по Ближнему Востоку и Азии, когда художник проделал путь от Сирии до Вьетнама. По итогам этой поездки была создана целая серия рисунков и полотен. Среди них были и картины под названием «Афганцы» и «Под киргизским шатром», имеющие непосредственное отношение к истории, которую мы хотим рассказать.

Вскоре после завершения экспедиции Яковлев был приглашен в США. Здесь он прожил до 1937 года, много путешествуя. А через несколько лет в Америку уедет и Татьяна. Она станет настоящей звездой – выдающимся модельером шляп. Только известна она будет уже под фамилией дю Плесси – по первому мужу. Ее вторым мужем станет Александр Либерман, в будущем – один из руководителей издательства «Конде-Наст». Татьяна дю Плесси-Либерман жила в Нью-Йорке. Ее друзьями были Бродский и Барышников, Сальвадор Дали, Марлен Дитрих и Кристиан Диор.

О судьбе племянницы Яковлева в последние годы написано немало. Но вот сам художник, скончавшийся в Париже в 1938 году, оказался забытым. А ведь он считался видным представителем неоклассического течения в модерне и получил известность благодаря картинам, написанным в манере старых, ренессансно-барочных мастеров. Он много путешествовал – собирал на Дальнем Востоке этнографический материал для росписи Казанского вокзала в Москве, побывал в Китае, Монголии, Японии, Франции, Италии, участвовал в экспедиции по Сахаре и Экваториальной Африке. Интерес к его творчеству возродился только в начале этого века, а в 2006 году его картина «Женщины в театральной ложе» была продана на аукционе «Сотбис» за 2 миллиона долларов.

И вот тут мы возвращаемся к тем самым двум картинам, которые, среди прочих, были созданы по итогам экспедиции. Они, совершенно забытые, уже более полувека обитали в маленьком городке Эттлборо в штате Массачусетс. Если бы мы тогда – в 1998 году – знали об этом, обязательно заехали бы в этот городишко на обратном пути с Кейп-Кода в Нью-Йорк. Но мы ничего этого тогда не знали. Да и не только мы.

Картина «Афганцы» висела в актовом зале местной школы, где на нее, несмотря на внушительные размеры, никто давно не обращал внимания. Совершенно случайно в школу как-то зашел человек, которому были знакомы имя и стиль Яковлева. Он-то и убедил школьное начальство провести экспертизу. Ее результаты буквально потрясли всех горожан – оказалось, что на стене школы, на виду у всех, висела картина, стоимость которой по самым скромным подсчетам составляет 800 тысяч долларов, а ее аукционная цена может достигать 1,5–2,5 миллиона долларов. Такое заключение дали специалисты знаменитого аукциона «Сотбис», на котором была продана картина «Женщины в театральной ложе». С трудом вспомнили, что картину передал в дар городу друг Яковлева – владелец картинной галереи Уильям Чарльз Томпсон. В Эттлборо начались большие волнения – кто-то считал, что картину надо продать и использовать деньги на нужды школы, кто-то требовал сохранить такой ценный дар. Школьный совет, однако, голосованием принял решение картину продать, и полотно было включено в список лотов «русских дней» аукциона «Сотбис». Но тут внезапно дело приняло новый оборот – городской совет Эттлборо заблокировал продажу, заявив, что такое важное решение не может быть принято второпях и нужно внимательно изучить ситуацию.

Среди всего этого шума местный музей внезапно вспомнил, что у него в запаснике уже лет пятьдесят лежит картина Яковлева, также подаренная Уильямом Чарльзом Томпсоном. Полотно «Под киргизским шатром» было извлечено из заточения и представлено на суд специалистов «Сотбис». Эксперты пришли к выводу, что это – картина примерно такой стоимости, как и «Афганцы». И музей немедленно согласился на продажу, тем более что ему никакого одобрения городского совета для этого не требуется. И картина «Под киргизским шатром» была быстро продана на аукционе «Сотбис» в Нью-Йорке за 713 тысяч долларов.

А бедные «Афганцы» по-прежнему лежат в сейфе «Сотбис». Вернуть в город картину нельзя, потому что ни школа, ни город не имеют возможности обеспечить ее безопасное хранение. Продать тоже нельзя, потому стороны конфликта никак не могут прийти к соглашению. К тому же сторон стало три – в спор вступили наследники того самого Уильяма Томпсона, который подарил картину школе. Они считают, что подарок есть подарок и он должен продолжать оставаться в городе согласно завещанию Томпсона. Конца спору не видно, и похоже, что решать этот вопрос будет суд.

Раз уж речь зашла о картинах русских художников, найденных в Америке, то хотелось бы рассказать еще одну историю. Тем более что началась она в том же штате Массачусетс. В одном частном доме долгое время над камином висела картина. К ней давно привыкли, и никто не задавал никаких вопросов. По-видимому, гостей из России в этом доме не бывало, иначе уже давно бы кто-то вспомнил, что нечто очень похожее висит в Третьяковской галерее. А вот как-то в гостях у хозяев этого дома оказался молодой человек по имени Скотт Нишел, работавший в аукционном доме «Сотбис». Он-то и узнал знаменитый сюжет и руку мастера. На стене дома в Массачусетсе висела работа Михаила Нестерова, представляющая собой авторское повторение его знаменитого полотна 1889–1890 годов «Видение отроку Варфоломею». Нестеров написал эту картину, получившую, в отличие от знаменитого творения из Третьяковки, название «Видение святому Сергию в отрочестве», в 1922 году и в 1924-м отправил ее на выставку в Нью-Йорк. Там она была продана и в конечном итоге оказалась в том самом доме, где ее и увидел эксперт «Сотбис». Хозяева картины, узнав о возможной цене этой картины, согласились выставить ее на аукцион.

Мы увидели «Видение святому Сергию в отрочестве» на показе для прессы в Нью-Йорке, предшествовавшем «русским дням» в апреле 2007-го. Первое впечатление было ошеломляющее: а что здесь делает картина из Третьяковки? Только потом понимаешь, что эта работа отличается от знаменитого полотна, прежде всего размерами. Предполагают, что Нестеров написал уменьшенный вариант, чтобы его удобнее было транспортировать в Америку. Кстати, всю эту историю нам рассказал сам Скотт Нишел, который, как нам показалось, очень гордился своей находкой. «Эта картина более тридцати лет висела над камином в доме одной дамы в штате Массачусетс, – рассказал он. – Полотно было собственностью этой семьи на протяжении нескольких поколений». «Видение святому Сергию в отрочестве» было продано за 4,3 миллиона долларов и считается теперь одной из самых дорогих картин русских художников, проданных на мировых аукционах.

Глава 5. К Ниагаре с канадской стороны О попугае, который не хотел говорить по-французски, самых чистых городах в мире, восемнадцатиполосном шоссе, а также о титулах Ниагарского водопада...

Ниагарский водопад – приятнейший уголок для отдыха. Гостиницы там отличные, а цены вовсе не такие уж баснословные... Летом здесь всегда прохладно. Прогулки все приятные и ничуть не утомительные. Когда вы отправляетесь осматривать водопад, вам нужно сначала спуститься на милю вниз и уплатить некоторую сумму за право взглянуть с обрыва на самую узкую часть реки Ниагары. Затем можно спуститься по лестнице еще на полтора фута вниз и постоять у самой воды. Потом вы, правда, сами станете удивляться, зачем вам это понадобилось, но будет уже поздно.
Марк Твен. «Ниагара»

Прожив в Америке уже пару лет, мы стали задумываться о поездке за границу. Под заграницей, естественно, подразумевалась Канада. Тем более что нас туда давно и настойчиво звали. В Оттаве корреспондентом ИТАР-ТАСС тогда работал замечательный человек – Николай Константинович Сегунский. Он и его жена Нина приглашали нас в гости много раз. И в Торонто у нас были друзья, так что приглашения шли и оттуда. А кроме того, нам очень хотелось посмотреть на Ниагару – а смотреть на нее лучше с канадской стороны. Так что маршрут был проложен следующим образом – Монреаль, Оттава, Торонто, Ниагара, а оттуда обратно в Нью-Йорк. Собирались мы долго, и вот, наконец, решили поехать на Рождество. Получили канадскую визу. Тогда еще, в конце 90-х, это было довольно просто. И вот мы отправились в путь на север рано утром 25 декабря.

Надо сказать, что в этот день, после рождественской ночи, вся Америка спит, поэтому дорога была совершенно пустая. В гордом одиночестве мы подъехали к контрольно-пропускному пункту на американо-канадской границе. Там совершенно никого не было – ни путешественников, ни пограничников. Ни одного человека! Дорога была гостеприимно открыта. Любой американец мог бы смело ехать вперед, ведь виза ему не нужна. А вот нам надо было обязательно поставить в паспорте отметку о пересечении границы, иначе возникли бы проблемы при возвращении назад. Мы вылезли из машины и пошли в здание КПП. В небольшом зале вдоль стены тянулась стойка, за которой теоретически должны были стоять пограничники или таможенники. Но и там никого не было. Подождав немного, мы стали звать хозяев – где-то в глубине раздавались голоса. Нас явно услышали, потому что прозвучало примерно следующее: «Слушай, там какие-то ненормальные в такую рань в Рождество чего-то хотят». Ну, мы радостно закричали, что хотим в Канаду. Вышел веселый американский пограничник, поздравил нас с Рождеством и быстро поставил отметки в паспортах.

Вот так мы и попали в Канаду, въехав сразу во франкоговорящую провинцию Квебек. И тут указатели в милях сменились указателями в километрах, а английский язык – французским. Ничего не имеем против французского языка, да к тому же один из нас его неплохо знал. Но, к сожалению, знаток французского сидел за рулем, а штурман владел этим иностранным языком очень слабо. А ведь главная задача штурмана на американских (и, соответственно, канадских) дорогах – читать надписи на указателях. Так что возникли сразу некоторые трудности.

Но, слава богу, географическое название Montreal (Монреаль) было трудно с чем-то перепутать, так что до этого города мы доехали без проблем. А вот в самом городе нас поразило полное нежелание его жителей говорить по-английски. На наш взгляд, дело доходит до полного абсурда. Мы зашли в кафе, входящее в одну распространенную американскую сеть закусочных. За прилавком стояла темнокожая девушка. Мы сделали заказ по-английски, продавщица его прекрасно поняла, но ответила нам по-французски. Так мы с ней и побеседовали – мы спрашивали по-английски, она отвечала по-французски.

Вообще, с английским языком в Квебеке ведется настоящая война. Еще в 70-х годах прошлого века французский был объявлен официальным языком этой провинции. Компаниям должны вести дела только на этом языке и иметь французские названия. Вывески на английском сначала были запрещены полностью, но потом все же разрешили их делать на двух языках, но при условии, что английский текст будет гораздо мельче.

Возникало немало анекдотичных ситуаций, когда, например, от владельцев ирландских пабов требовали искоренения ирландских и английских названий напитков, да и самих заведений. В 1999 году крупную торговую сеть The Old Navy пытались заставить переименовать ее магазины в Канаде в La Vieille Rivière. Но самая замечательная история, вошедшая во все анналы этой лингвистической битвы, произошла в небольшом зоомагазине, где обитал некий попугай. Единственным его недостатком – да и то на взгляд франкофонов-квебекцев – было незнание французского языка. Попугай владел лишь английским и радостно приветствовал посетителей словом «Hello». Именно так он встретил одну потенциальную покупательницу, а та немедленно подала жалобу на хозяина магазина. А надо сказать, что в Квебеке существует что-то вроде лингвистической полиции – это служба, в задачи которой и входят выявление подобных нарушений. Получив жалобу, блюстители лингвистического порядка пришли в магазин и были встречены веселыми криками «Hello» и «Beautiful». В общем, хозяина магазина оштрафовали, да еще и обязали его обучить попугая французскому языку.

Нежелание квебекцев даже в самых простых ситуациях пользоваться английским языком, который все они прекрасно знают, честно говоря, производит довольно неприятное впечатление. Может быть, поэтому да еще потому, что было холодно, мы довольно быстро покинули этот не очень гостеприимный город и поехали в Оттаву. Там нас ждали хорошие люди, английский язык и веселая атмосфера праздника! Оттава – чудесный город: маленькая, уютная, а в рождественские праздники она выглядела просто как сказка. Осмотреть все ее достопримечательности можно за несколько часов, но гулять по очаровательным улочкам можно очень долго. Насколько она маленькая, мы поняли, когда за двадцать минут добрались пешком туда, куда планировали пойти за два часа. Совершенно не ясно, какой масштаб у карты. Оттава считается одним из самых чистых и привлекательных для жизни городов в мире. Подобные рейтинги составляются разными организациями и компаниями, соответственно и списки немного отличаются, однако Оттава практически всегда в них присутствует. Как, впрочем, и еще три канадских города – Калгари, Ванкувер и Торонто.

Из Оттавы наш путь лежал в Торонто. Мы посмотрели карту и решили, что никаких проблем не будет – дорога довольно проста. Главное – выехать на 401-е шоссе. И нас очень удивило, когда наша знакомая из Торонто стала настойчиво предупреждать нас о каких-то коллекторах. Она упорно твердила, что главное – не пропустить съезд в этот загадочный коллектор, иначе проедете Торонто. Честно говоря, мы ничего не поняли, ибо в США ничего подобного нет и проблем с тем, чтобы въехать в большой город, обычно не возникает.

К тому моменту мы уже видели немало многополосных дорог в Америке, но то, что явилось нашим взорам на подступах к Торонто, совершенно поразило нас. Дорога расширилась до такого количества полос, что даже подсчитать их быстро не удалось. Шоссе номер 401 в районе Торонто расширяется до 18 полос. Оно является самым загруженным в Север-

ной Америке и одним из самых широких по числу полос – вместе со вспомогательными их число местами достигает 22. За день здесь проезжает 400–500 тысяч машин. Что-то близкое к этому мы увидим потом в районе Лос-Анджелеса на 405-й дороге, хотя масштабы там все-таки поскромнее. Кстати, считается, что самая широкая дорога находится в Хьюстоне, в штате Техас – там местами шоссе номер 10 расширяется до 26 полос.

Оказалось, что загадочные коллекторы – это полосы. Есть еще экспресс-полосы – они пронесутся сквозь город. А чтобы попасть в Торонто, надо заблаговременно съехать на полосы коллектора и уже искать нужный exit, т. е. съезд. Благодаря полученным подробным инструкциям нам удалось попасть на нужную улицу очень быстро.

Три дня в Торонто мы провели в неторопливых прогулках. У этого современного и очень красивого города – два лица. С одной стороны, он невероятно деловой и активный. И тем не менее в нем параллельно существует какой-то второй город – очень спокойный и располагающий к праздному времяпрепровождению. Поскольку торопиться нам было некуда, то мы с удовольствием предались приятному безделью.

В Торонто есть где погулять и что посмотреть. Это и одна из самых высоких телебашен в мире. И замечательный Торонтский университет – с прекрасным парком, окружающим старинные здания. Есть метро – маленькое (всего четыре линии), но очень симпатичное. Нам оно показалось совершенно бесшумным. А если надоело ходить по улицам, то можно спуститься под землю – в центре Торонто существует целый город под названием PATH. Здесь объединяются подземные этажи примерно пятидесяти зданий, и в них размещены магазины, рестораны, кафе, парковки – есть даже небольшие парки. Сюда выходит несколько станций метро. Все этого соединено переходами, общая длина которых составляет 28 километров. Говорят, что есть немало людей, которые и живут в домах над этим комплексом, и работают здесь же. Это позволяет им не только обходиться без машины, но даже и не надевать верхнюю одежду. По пути с работы домой можно зайти в кафе или ресторан, а также сделать множество мелких дел. Служба быта представлена здесь в полном объеме. Нечто подобное существует и в Нью-Йорке – это Рокфеллеровский центр, однако там все-таки масштабы скромнее. PATH действительно является крупнейшим подземным торговым комплексом в мире. Он занесен даже в Книгу рекордов Гиннеса.

Говорят, что резкий рост Торонто и превращение его в крупнейший город Канады произошли именно потому, что из Монреаля стал уезжать англоговорящий народ. Сепаратистские настроения в Квебеке привели к тому, что множество компаний покинули эту провинцию и перебрались в спокойный и доброжелательный Торонто.

Из Торонто мы двинулись к Ниагаре. Мы оказались у великого водопада в самый канун Нового года. Было очень холодно, и первое, что мы увидели, был огромный столб пара. Водопад «Подкова» был окутан густой «вуалью», поднимающейся высоко в небо. Вокруг все было увешано фантастическими сосульками, невероятных размеров. В такую холодную погоду, да еще и в новогодний праздник, народу здесь было совсем мало, и нам довелось созерцать Ниагару практически в одиночестве. Побывать наедине с таким чудом природы – это особое, совершенно незабываемое ощущение. Однако зимний визит лишает тебя множества способов познакомиться с этим чудом природы поближе. В такую холодную погоду не ходит знаменитый пароходик «Дева тумана», который подвозит тебя прямо к водопадам, и также нельзя спуститься к подножию водопада в Пещеру ветров. Кстати, все эти аттракционы с большим юмором описал в рассказе «Ниагара» Марк Твен, который назвал этот водопад «великим чудом природы, чьи покорные слуги – радуги, чей голос – гром небесный, чей устрашающий лик скрывается в облаках».

Рассказывать о Ниагаре очень сложно. Во-первых, описывать это словами бесполезно. Никакие слова не смогут передать впечатление, которое производит это чудо природы. Во-

вторых, о ней написано уже столько, что любой рассказ будет просто повторением. Фотографии тоже дают довольно слабое представление.

Ниагара манит к себе не только туристов, которых сюда приезжает около 20 миллионов в год, но и любителей острых ощущений. Каких только аттракционов не демонстрировали здесь. Над Ниагарой ходили по канату и летали, по ней плавали, в нее ныряли и покоряли всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Даже Дэвид Копперфильд внес свою лепту – выполнив головокружительный трюк и выйдя, как всегда, сухим из воды, причем в буквальном смысле этого слова.

Кстати, Ниагарский водопад не является ни самым высоким, ни самым широким, ни самым мощным. Пожалуй, он может гордиться только титулом самого разрекламированного в мире. Ни одному другому водопаду не посвящено столько статей, фотоснимков и киносъемки. Только художественных фильмов здесь снималось больше ста. Туристов сюда всегда ездило немало, но их число резко выросло в 1953 году, когда на экраны вышел фильм «Ниагара», где главную роль сыграла Мэрилин Монро. Говорят, что это единственный фильм знаменитой актрисы, где ее героиня погибает. Здесь снимались также «Супермен-2» и «Пираты Карибского моря: на краю света».

Да, и самый главный вопрос: правда ли, что с канадской стороны вид лучше? На наш взгляд, лучше. И не только потому, что отсюда открывается великолепный вид на все три водопада, а с американской стороны ты смотришь на них как бы сбоку. Просто с канадской стороны, кроме водопадов, виден только незастроенный остров Гот-Айленд, где находится национальный парк, а все здания стоят далеко слева и не портят вида. А с американской стороны все водопады оказываются справа и слева, а прямо перед тобой – сильно застроенный канадский берег с его многочисленными гостиницами и казино.

Глава 6. Мыс Канаверал О взлете и посадке шаттла, гостиницах с видом на запуск космического корабля, уникальной гальке из реки Теннесси, космических аллигаторах и панике в Лос-Анджелесе...

Здесь, внизу, на протяжении тридцати пяти километров вдоль побережья Флориды высились памятники первых двух поколений Эры завоевания космоса. Дальше к югу мерцающими красными огнями были очерчены силуэты гигантских опорных мачт «сатурнов» и «нептунов», которые вывели людей на межпланетные трассы и стали ныне достоянием истории. Еще дальше, у самого горизонта, в лучах прожекторов огромной серебряной башней сверкала последняя ракета «Сатурн-5», сохраненная как национальный монумент и почти два десятилетия служившая местом паломничества. Неподалеку от нее рукотворной горой вырисовывался на фоне неба исполинский массив Корпуса сборки ракет – он и по сей день оставался крупнейшим зданием на Земле.

Артур Кларк. «Космическая одиссея»

На космодроме на мысе Канаверал нам очень хотелось съездить. Есть в Америке и другие космические центры и космодромы, но Канаверал – это Канаверал. Здесь американцы начинали свой штурм космических высот, отсюда они улетали к Луне, посылали свои аппараты к другим планетам, и здесь же они стали свидетелями страшных катастроф, уносивших жизни тех, кто шел к звездам. И вот мечта все-таки сбылась, и вместе с коллегами из Вашингтонского отделения ИТАР-ТАСС мы поехали на запуск космического корабля много-разового использования «Дискавери». Можно было, конечно, полететь на самолете, но разве из иллюминатора много увидишь? А на машине есть возможность проехать через десять штатов.

Мы бодро промчалась на микроавтобусе вдоль атлантического побережья страны и примерно через 19 часов пути оказались в непосредственной близости от космодрома. Возможно, что те, кто регулярно посещают космодромы, уже к ним привыкли и не испытывают особых эмоций, но мы волновались. Ведь командировка на запуск «Дискавери» означала удивительную возможность увидеть собственными глазами то, о чем много раз читали и что много-много раз наблюдали на экране телевизора. Невольно вспоминались сводки новостей 60-х и 70-х годов, когда мир чуть ли не бредил путешествиями к другим планетам, а две державы намертво сцепились за лидерство в космической гонке. Звучал в ушах и голос советского диктора, не слишком радостно сообщавшего, что с мыса Канаверал США осуществили запуск очередного своего детища. Канаверал был известен всем. Он и наш Байконур стали символами эпохи начала освоения космоса.

Однако космодром встретил нас разочаровывающе просто и обыденно. На пустынном КПШ мы встретились с милой дамой, которая за считанные минуты оформила наши документы, сообщила, что курить можно только в строго отведенных для этого местах, и объяснила, как доехать до пресс-центра. Потом мы сфотографировались на фоне копии ракеты, вынесшей в космос первого американца, и продолжили свой путь.

Мыс Канаверал – понятие, скорее, нарицательное. Шаттлы уходили совсем не с него, а с острова Меррит, где и расположен Центр космических исследований имени Кеннеди.

От мыса Канаверал, который являет собой выступ идущего вдоль берега Атлантического океана барьерного рифа, его отделяет залив с жизнерадостным названием Банановая река. Несмотря на то что мыс Канаверал у многих прочно ассоциируется с американской космической программой, работающие на космодроме постоянно подчеркивают, что Центр космических исследований и мыс Канаверал – географически вещи разные. На самом мысе расположена база ВВС Кейп-Канаверал, откуда с начала 50-х годов осуществляются военные и коммерческие пуски носителей типа «Титан», «Атлас» и «Дельта». С нее, еще задолго до создания Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА), ВВС проводили экспериментальные пуски. Центр космических исследований имени Кеннеди был создан на острове Меррит в 1962 году, через год после того, как президент Джон Кеннеди выдвинул свою знаменитую инициативу – до конца 60-х высадиться на Луне. Носящий теперь его имя центр занимает более 34 тысяч гектаров суши, болот и водоемов.

Здесь стоят два стартовых стола – 39-А и 39-В, с которых взлетали шаттлы. Здесь также находится одна из самых протяженных и широких взлетно-посадочных полос в мире. При длине 4,5 километра и ширине 91 метр она видна даже из космоса. На нее садились возвращающиеся с околоземной орбиты шаттлы. На острове расположен и Монтажно-испытательный корпус, представляющий собой третье по объему здание в мире. (Правда, сотрудники Центра считают, что их МИК уступает только сборочному цеху «Боинга» в Сиэтле.) Величественное здание корпуса возвышается над всей территорией космодрома. Но когда смотришь на это сооружение издалека, то осознать его габариты не удастся. Самой убедительной оказалась следующая деталь: на стене МИКа нарисован американский флаг, ширина каждой из полос которого равна ширине полосы шоссе. По ней спокойно мог бы проехать автобус.

Процесс подготовки шаттла в МИКе к полету начинался с того, что на пусковую платформу, сегмент за сегментом, устанавливали два твердотопливных ускорителя. Затем к ним присоединялся окрашенный в яркий оранжевый цвет внешний топливный бак. После этого наступал черед орбитальной ступени. Ее бережно устанавливали точно на топливном баке. Потом в процесс вступал транспортер, который доставлял шаттл на стартовую позицию. Таких транспортеров было всего два, но зато каких! Каждый весил более 2 тонн, и они являли собой самые крупные самодвижущиеся аппараты в мире. В 1977 году Американское общество инженеров-механиков объявило их национальными памятниками. Транспортеры обладали уникальной гидравлической системой, позволявшей этому гигантскому трактору плавно – со скоростью всего 1 миля в час – перемещать свой драгоценный груз, удерживая его в строго вертикальном положении. Транспортер двигался по специальной дороге, засыпанной речной галькой. Причем галька эта – особая. Оказалось, что только галька со дна реки Теннесси обладает необходимыми – и совершенно уникальными – характеристиками: коэффициентом трения, прочностью и т. д.

Однако, помимо космической техники, космодром удивляет еще одним моментом. На острове поразительным образом уживаются два, казалось бы, совершенно несовместимых соседа – центр космических полетов и заповедник, являющийся местом обитания 500 видов животных. Это не означает, что каждый существует сам по себе, что посреди заповедника вырезан кусок, откуда стартуют ракеты. Центр имени Кеннеди расположен именно в заповеднике, и, переезжая от одного корпуса космодрома к другому, легко можно встретить одного из «аборигенов». Такое сосуществование выгодно обеим сторонам. Космодрому нужно, чтобы его окружал большой участок незаселенной территории, и заповедник в данном случае представляет собой идеальный вариант. В свою очередь доступ людей на территорию космодрома строго контролируется, а эти охранные меры служат на благо и животным.

В прибрежных водах в полной безопасности чувствуют себя ламантины, меланхолично жующие водоросли у берегов, нередко можно увидеть дельфинов. Дикая свинья приходит поковырять корешки у главного сборочного здания центра. Но подлинным раем остров Меррит является для птиц и аллигаторов. По словам сотрудников центра, из 500 видов животных, насчитываемых в заповеднике, 330 – это птицы. Застыв на одной ноге, вдоль дороги стоят цапли. Немало здесь пеликанов и крачек, однако предметом гордости космодрома являются белоголовые орланы, гигантские гнезда которых непременно демонстрируются гостям.

Отдельного рассказа заслуживают аллигаторы острова Меррит. Их здесь обитает более 6 тысяч. Они прекрасно чувствуют себя не только в заводях и болотах острова, но и в придорожных канавах, откуда с интересом разглядывают проезжающие машины. По словам сотрудников центра, излюбленным местом их отдыха является взлетно-посадочная полоса для шаттлов. На ней к ним порой присоединяются и гремучие змеи, тоже любящие погреться на солнышке. Поэтому подготовка к посадке шаттла представляла собой любопытное зрелище: «околокосмических» пресмыкающихся деликатно (заповедник все-таки!) просили удалиться. С помощью специального шеста сотрудник космического центра спихивал размлевших представителей животного мира с полосы. Приезжающих на космодром убедительно просят, чтобы они, покидая территорию комплекса на своих автомобилях, внимательно смотрели на дорогу, ибо какому-нибудь аллигатору может потребоваться срочно ее пересечь. А давить этот, по местной терминологии, «медленно движущийся транспорт» не рекомендуется.

Кроме того, Центр космических исследований – это еще и огромный музей, а точнее говоря, – Гостевой комплекс, подробно рассказывающий о прошлом и настоящем космической программы США. Сюда приезжают со всего света, целыми семьями. Сотрудники Комплекса считают его не только важным просветительским центром, но и просто местом для семейного отдыха.

Здесь развернуты несколько постоянных экспозиций, в частности, «Сад ракет», вобравший образцы всех носителей, когда-либо участвовавших в освоении космоса. Есть два кинотеатра. Можно увидеть ракету «Сатурн-5», благодаря которой человечество сделало свои первые шаги на Луне. Эта ракета собрана из разрозненных ступеней, предназначенных для нескольких несостоявшихся полетов по программе «Аполлон». Посетителям предлагалось ощутить атмосферу первого запуска «Сатурна-5» с астронавтами на борту в специальном театре, где был воссоздан командный пункт, с которого контролировался пуск. Как утверждают, все воспроизведено до мельчайших подробностей, вплоть до жалобного дребезга стекол и дрожания пола под ногами. Разумеется, стоит и шаттл. Выглядит он как боевая машина, в ней даже установлено некоторое подлинное оборудование, включая космический туалет. Тем не менее «Эксплорер» – всего лишь копия в натуральную величину.

Здесь же высится мемориал погибшим астронавтам – «Космическое зеркало». В его полированной черной поверхности отражаются плывущие по небу облака, а сквозь них золотом просвечивают имена тех, кто отдал жизнь ради космического будущего человечества.

Погуляв по «Саду ракет», осмотрев выставки, купив сувениров и переведя дух в космическом кафе, где угощают особым «космическим» мороженым, мы отправились на экскурсию по космодрому в комфортабельном двухэтажном автобусе. Причем фотографировать можно все. Маршрут проложен так, чтобы ты не только мог увидеть достижения технического прогресса, но и оценил красоту этих мест и богатство животного мира. Экскурсовод – он же водитель автобуса и патриот космодрома – обращал наше внимание не только на ракетную технику, но и на цаплю и пеликана. Нам продемонстрировали местных аллигаторов; с гордостью показали сосну, где уже 30 лет существует «действующее» гнездо белоголового орлана.

Первая остановка экскурсии была неподалеку от стартовой позиции шаттла. Здесь специально было возведено сооружение, похожее на огромную металлическую этажерку. Забравшись на ее верхнюю «полку», можно было любоваться видом на весь центр и фотографировать, сколько душа пожелает. В день нашего приезда стартовые столы – совершенно идентичные – выглядели, тем не менее, совершенно по-разному – на одном стоял готовый к взлету «Дискавери». Шаттл казался небольшим, но когда он готовился к взлету, то подчинял себе весь космодром. Да и не только его. Вся округа начинала жить по часам шаттла. На многие мили от Центра космических полетов не было свободных мест в гостиницах. Наблюдать пуск можно было с пляжей Кокоа-Бич, а порой и просто из окна гостиничного номера. Пожалуй, нигде в мире нет гостиниц, которые предлагали бы номера с видом на взлет шаттла. На подъездах к космодрому за несколько дней до пуска устанавливались голубые щиты с указанием количества дней, которые остались до старта. «До пуска осталось 3 дня» – это означало, что начат предстартовый отсчет, а астронавты, которые провели 4 предыдущих дня в карантине в Хьюстоне, в Центре пилотируемых космических полетов имени Джонсона, прибывают на космодром. Обычно они сами вели небольшой тренировочный самолет Т-38. Тройку сменила двойка, и это означает, что пошла заправка бака жидкими кислородом и водородом, а на самом стартовом столе начиналась «генеральная уборка»: удалялось все ненужное оборудование и мусор, а сам стол обильно поливали водой из огромного бака емкостью 1,1 миллиона литров. Как утверждают, вода частично гасит чудовищный рев двигателей при старте. Затем двойку сменяла единица, а затем отсчет шел на часы и минуты.

Но потом настал момент, когда мы заняли места на специальной трибуне для представителей прессы примерно в 10 километрах от стартовой площадки. Впрочем, желающие могли устроиться просто на травке перед небольшим прудом. Этот пруд, и перелесок за ним, и меланхоличная цапля, бродившая по воде, создавали невероятное ощущение нереальности происходящего. Еще более нереальным все это показалось, когда шаттл, расколов ревом двигателей липкую духоту космодрома и оставляя в небе расплывающийся белый след, ушел ввысь. Не очень грациозно взлетела вверх перепуганная цапля... «Дискавери» уходил в небо.

Мы тогда и представить себе не могли, что пройдет несколько лет, и мы увидим посадку того же шаттла «Дискавери», причем не во Флориде, а в Калифорнии. И наблюдать ее мы будем не с трибуны для прессы, а со своего балкона. В августе 2005 НАСА приняло решение посадить «Дискавери» на базе ВВС США Эдвардс в Калифорнии, поскольку во Флориде была плохая погода. В Калифорнии же погода была прекрасная. На базе Эдвардс незадолго до этого была проведена реконструкция, обошедшаяся в 10 миллионов долларов. И «космический челнок» мог теперь обслуживаться после посадки в Калифорнии в соответствии с самыми жесткими требованиями НАСА.

Предпочтительным местом посадки шаттла обычно является космодром на мысе Канаверал, далее следуют база Эдвардс и полигон Уайт-Сэндс в штате Нью-Мексико, на который «челнок» садился всего один раз – в 1982 году. При посадке во Флориде НАСА экономит один миллион долларов, которые при посадке в Калифорнии приходится тратить на последующую транспортировку «Дискавери» на космодром на мысе Канаверал на специально модифицированном самолете «Боинг-747». Также устраняется риск повредить шаттл при такой транспортировке.

В Лос-Анджелесе было объявлено, что посадка произойдет в 5:11 утра по времени Западного побережья. В пять утра мы уже стояли на балконе. И вдруг раздался громкий хлопок, потом еще один, а затем слева стало видно яркую точку. В отличие от звезд она быстро двигалась и увеличивалась в размерах. Прочертив свой путь по еще темному калифорнийскому небу с запада на восток, она зависла где-то над пустыней Мохаве, а потом стремительно пошла вниз. «Дискавери» приземлился. У ворот авиабазы его возвращения дожидая-

лось всего несколько десятков фанатов космических путешествий. В былые годы их было куда больше. Их пропускали внутрь, но после 11 сентября все переменялось: правила безопасности отсекают поклонников космических зрелищ от объектов обожания.

Как выяснилось потом, далеко не все жители Лос-Анджелеса знали о предстоящей посадке, и, когда раздался первый громopodobный хлопок, в полицию города стали звонить перепуганные люди. Началась настоящая паника. Кто-то кричал, что началось землетрясение, кто-то жаловался на соседей, а нашлись и такие, кто решил, что падает крыша дома.

На самом деле в тот день завершился особый полет. Полет очень трудный, поскольку уже на старте было повреждено термоизоляционное покрытие, и впервые в истории кораблей многоразового использования ремонт пришлось делать прямо на орбите. И это был первый полет после трагической гибели в 2003 году корабля «Колумбия». Но вот тут и возник парадокс. Полет оказался одним из самых лучших, но одновременно и поставил на прикол остальные американские корабли многоразового использования. Именно тогда был поднят вопрос о свертывании программы «Спейс шаттл».

Глава 7. Санкт-Петербург во Флориде О предводителе дворянства Весъегонского уезда, Санкт-Петербурге и Одессе, музее Сальвадора Дали на берегу Атлантического океана, испанских фортах и индейском племени семинолов...

LINDA FLORIDA! Прекрасная Страна Цветов! Так приветствовал тебя смелый испанец, искатель приключений, впервые увидевший твои берега с носа своей каравеллы.

Было вербное воскресенье, праздник цветов, и благочестивый кастилец усмотрел в этом совпадении доброе предзнаменование. Он нарек тебя Флоридой, и поистине ты достойна этого гордого имени.

С тех пор прошло триста лет. Миновало целых три столетия, но, как и в первый день открытия, ты достойна носить это нежное имя. Ты так же покрыта цветами, как и три века назад, когда Хуан де Леон впервые ступил на твои берега. Да и сейчас ты так же прекрасна, как в дни сотворения мира!..

Прекрасная Флорида, ты осталась все той же Страной Цветов! Твои рощи по-прежнему зеленеют, твое небо безоблачно, твои воды прозрачны, ты по-прежнему блистаешь красотой! И все же здесь что-то изменилось. Природа осталась все той же. А люди?

*Где тот народ с медным цветом лица, который был вскормлен и вспоен тобой? На твоих полях я вижу теперь только белых и негров, но не краснокожих; европейцев и африканцев, но не индейцев. Неужели исчез древний народ, который некогда населял эти земли? Где же индейцы? Их нет! Они больше не бродят по тропам, поросшим цветами, их челны не скользят по твоим прозрачным рекам, их голосов не слышно в твоих лесах, полных ароматной прохлады, тетива их луков не звенит больше среди деревьев. Они ушли – ушли далеко и навсегда.
Майн Рид. «Оцеола, вождь семинолов»*

Во Флориде, на берегу Мексиканского залива, в замечательном зеленом парке стоит скромный памятник. Надпись по-английски на нем гласит «В память о Питере Деменсе (Дементьеве), основавшем Санкт-Петербург в 1888 году». Разумеется, речь идет не о городе в России. Памятник стоит в американском городе St. Petersburg. Современные атласы дают это название по-русски как Сент-Питерсберг, а ведь это не совсем верно. Город был назван именно в честь российского Санкт-Петербурга и должен быть его полным тезкой. Основал этот город русский человек по имени Петр Алексеевич Дементьев, которого в Америке помнят и чтут под именем Питера Деменса.

Русский дворянин Петр Алексеевич Дементьев родился в Весъегонском уезде Тверской губернии. Учился в Санкт-Петербурге, затем в 17 лет поступил на военную службу в Лейб-гвардии Гатчинский полк. В 20 лет вышел в отставку в чине капитана, занялся хозяйством и был избран председателем земской управы и предводителем дворянства Весъегонского уезда. Затем он бросает все и вместе с семьей уезжает в столицу, а оттуда потом – внезапно – в Америку. Сам он позже будет объяснять это политическими мотивами: он симпатизировал народолюбцам и опасался репрессий после убийства Александра II. Обосновавшись во Флориде, Дементьев начинает активно заниматься лесозаготовками, строительством, берется за создание железной дороги Orange Belt Railroad, которая должна была пересечь Флориду с

востока на запад. Рядом со строящейся дорогой возникали поселения, и одно из них было названо Дементьевым Одессой. Городок Одесса существует во Флориде и по сей день.

В июне 1888 года первый поезд достиг берега полуострова Пинеллас в бухте Тампа. Тогда у этого места не было официального названия, как, впрочем, не было здесь даже и улиц. Местная легенда гласит, что Дементьев и его партнер Джон Уильям решили определить, кто даст название городу, подбросив монетку. Удача оказалась на стороне Петра Алексеевича, который решил назвать новый город Санкт-Петербургом. Проигравший же получал право дать название первой гостинице города, которую тоже строил Дементьев. Ее назвали «Детройт» – из этого города родом был Уильямс. Кстати, это здание существует и по сей день, хотя сильно перестроено и превращено в жилой дом.

Через год семья Дементьевых решает уехать из Флориды и переселяется в Северную Каролину, а оттуда в Лос-Анджелес. Там Питер Деменс – хотя и становится обладателем ранчо – уже с гораздо меньшим рвением занимается предпринимательством. Он пишет книгу «Очерки истории Соединенных штатов Америки», переводит на английский язык произведения своего любимого поэта Михаила Лермонтова, пишет статьи для журналов, работает корреспондентом газеты «Лос-Анджелес таймс». Очень большую помощь – советом и деньгами – он оказал молоканам, когда эта религиозная община приняла решение о переселении из России в США.

Молокане, которые сами себя называют духовными христианами, представляли собой нечто вроде православного протестанства. Они бежали из России от воинской повинности, которую не могли нести по религиозным принципам. В 1902 году община большинством голосов приняла решение перебраться в США. Переселение растянулось на несколько лет, хотя активную помощь молоканам оказывали многие известные люди, например Лев Толстой. В наше время в США насчитывается около 25 тысяч молокан, и только 5 тысяч из них прямые потомки русских переселенцев. Остальные – это американцы, которым показались привлекательными религиозные устои этого течения. Живут они замкнутыми общинами в Калифорнии, Аризоне, Монтане и нескольких других штатах.

Петр Алексеевич купил большое ранчо в районе Альта-Лома, которое превратил в роскошное поместье. Здесь его дочь Вера вышла замуж за эмигрировавшего из России племянника Льва Толстого – Алексея. После смерти главы семьи в 1919 году поместье стали называть «Деменс-Толстой эстейт». Здесь давали великолепные приемы, частыми гостями на которых были голливудские знаменитости. Особенно часто гостил Юл Бриннер, он же Юлий Борисович Бринер, и для него всегда была готова комната, которая впоследствии стала носить его имя. Благодаря таким связям Алексею Толстому удалось выступать в роли консультанта в некоторых голливудских фильмах. Потом дом по наследству перешел к сыну Веры и Алексея – Питеру Деменс-Толстому. В 1989 году здесь произошел страшный пожар, и новому хозяину пришлось отстраивать дом практически заново. Он скрупулезно восстановил всю обстановку, но после завершения ремонта дом был продан.

Однако вернемся во Флориду. Основанный Петром Алексеевичем город быстро рос. В нем появились аэропорт, университет, стадион, гостиницы и театры. Мост соединил его с городом Тампа, находящимся по другую сторону залива. Санкт-Петербург стал обретать славу курорта с 360 солнечными днями в году. Сюда стали переселяться американские пенсионеры. Возможно, он ничем бы не выделялся среди других маленьких и очаровательных флоридских городков, если бы не произошло событие, которое сделало Санкт-Петербург, он же Сент-Питерсберг, обладателем уникального музея.

В январе 1980 года житель этого города, молодой юрист Джеймс У. Мартин, прочитал в газете Wall Street Journal статью «Волнения по поводу Дали в американском мире искусства» (U. S. Art World Dillydallies Over Dalis. 18 January, 1980). В статье рассказывалось о коллекции полотен знаменитого Сальвадора Дали, собранной супружеской четой из Кливленда

– Рейнольдсом и Элианор Морс. Собрание Морсов стало так велико, что не только не помещалось в их доме, но и «переросло» уже то здание, которое они для нее построили. Только картин здесь было около ста, а, кроме этого, имелось немалое число акварелей и рисунков, скульптур, фотографий, графики и большой архив. Коллекция была подобрана очень умело, и Морсы чрезвычайно дорожили ею как единым целым. С годами их стал беспокоить вопрос о том, что станет с сокровищем после их смерти. Возникла опасность того, что огромные налоги на наследство заставят расчленивать коллекцию. И ради сохранения всего собрания супруги решили пойти на невероятный, казалось бы, шаг. Они заявили о том, что готовы подарить всю коллекцию, однако поставили условие – все собрание должно храниться как единое целое и быть доступно для публики.

Условие, казалось бы, простое, однако выполнить его не захотел ни один из крупных музеев, проявивших интерес к коллекции, – они предпочли бы просто забрать только лучшее.

Дальше происходит нечто невероятное. Юрист Джеймс У. Мартин решил, что флоридский город Санкт-Петербург должен забрать коллекцию себе! Он немедленно отправился к городским властям, потом, заручившись их поддержкой, связался с Морсами. Супруги, возможно, даже и слышали раньше ни о каком Санкт-Петербурге, но, тем не менее, Мартину удалось убедить их приехать в его город и на месте убедиться, что лучшего места для музея Дали им просто не найти. После поездки во Флориду Рейнольдс и Элианор Морс согласились передать свою коллекцию народу штата Флорида. Не последнюю роль сыграло и то, что побережье в этих местах немного напоминает испанский Кадакес – родные места Сальвадора Дали.

Вот так в Санкт-Петербург приехала коллекция картин великого сюрреалиста – вторая по величине в мире и уступающая только знаменитому музею в Фигерасе. Морсы собирали ее с 1942 года. Свою первую картину Дали они, будучи молодоженами, купили в качестве свадебного подарка самим себе за 1250 долларов. Это была картина *Daddy Longlegs of the Evening-Nore!* («Вечерний паук... Надежда!»). Это стало началом коллекции, которая потом включит в себя такие известнейшие работы Дали, как «Открытие Америки Христофором Колумбом», «Вселенский собор», «Галлюциногенный тореро». Морсы познакомились и с самим художником и Галой Дали – дружба продолжалась долгие годы.

Музей в Санкт-Петербурге открылся в марте 1982 года. Для него был полностью перестроен склад на берегу бухты Бэйборо. Деньги на это были выделены из бюджета штата. Со дня открытия туристы просто хлынули в Санкт-Петербург. Посмотреть на великолепную коллекцию ежегодно приезжает примерно четверть миллиона человек. Управляет музеем Совет, который до самой смерти в 2010 году возглавляла Элианор Морс. Она умерла в возрасте 97 лет в Санкт-Петербурге. Ее супруг скончался в 2000 году.

Новый музей, кстати, сразу взял курс на расширение своей экспозиции. Было сделано немало приобретений, и очень быстро стало ясно, что предоставленное городом здание становится тесным. И для того, чтобы разместить 2 тысячи экспонатов, в том числе картины, рисунки, скульптуры, фильмы, мебель, театральные декорации, нужно новое помещение. Была и еще одна причина, побудившая город начать строительство нового здания. Во Флориде часты ураганы, и все время существовала опасность того, что простое складское здание – даже модернизированное – может не выдержать напора стихии.

И вот в январе 2011 года коллекция вновь переехала на новое место жительства. В восьми блоках к северу от старого здания – по адресу: бульвар Дали, 1 – был воздвигнут наисовременнейший музейный комплекс, способный защитить бесценное собрание от злоумышленников и природных катаклизмов. Здесь просторно – площадь залов в два раза больше, чем в старом музее. Новоселье отпраздновали великолепным – и абсолютно сюрреалистичным – костюмированным шествием из старого здания в новое.

И вот здесь хотелось бы сделать небольшое отступление. То, что сделали супруги Морс, – это совсем не уникальный случай. В небольшом калифорнийском городе Пасадина, о котором мы расскажем в отдельной главе, существует потрясающий музей. Основу его коллекции составляет собрание картин миллионера Нортон Саймона, и музей носит ныне его имя. Вообще, существует парадокс – в Америке, где, казалось бы, должно властвовать желание разбогатеть любой ценой, нажать капитал и передать его детям, среди богатых и не очень богатых людей существуют давние традиции дарения и помощи. Совершенно потрясающий пример – это семья Рокфеллер.

Однажды нам попала в руки старая книжка – история Нью-Йорка, изданная где-то в конце 30-х годов. В ней подробно описывался бурный рост города в начале XX века. И вот буквально в каждой главе мы наталкивались на фамилию Рокфеллеров. Нужно было найти деньги на какое-то строительство – обращались к Рокфеллерам. Создавалось впечатление, что город буквально строился на их деньги. Рокфеллеры строили университеты, церкви, музеи, больницы, создавали национальные парки, финансировали исследовательские фонды. Даже здание ООН в Нью-Йорке построено на земле, купленной этой семьей.

И если в Нью-Йорке чтут Рокфеллеров, то Флорида – это штат, который многим обязан партнеру Джона Рокфеллера по компании «Стэндрт ойл» Генри Моррисону Флаглеру. Он, например, основал город Палм-Бич. Его также считают «отцом» Майами. Он строил здесь каналы, улицы, систему водоснабжения, финансировал местную газету. Горожане вообще хотели дать новому городу имя своего благодетеля, но он отказался от этой чести, убедив их, что индейское название *Mauiami* гораздо лучше.

А город Сент-Огастин вообще можно считать памятником Генри Флаглеру. И об этом городе, в который мы заехали с друзьями после посещения мыса Канаверал, надо рассказать подробнее. Честно говоря, про Сент-Огастин мы до этой поездки ничего не слышали. Но друзья настояли, что заехать надо обязательно. Ведь Сент-Огастин (или Сан-Агустин на испанский лад) – старейший непрерывно населенный город в США. К тому же это старый испанский город и там даже находится форт, в темнице которого держали знаменитого вождя племени семинолов – Оцеолу. Сразу вспомнился знаменитый роман Майн Рида, и мы свернули с 95-го шоссе, по которому нам следовало ехать обратно в Нью-Йорк.

Пятьсот лет назад в эти края в поисках легендарного источника вечной молодости прибыл конкистадор Хуан Понсе де Леон. Он принял эту землю за остров, объявил ее владением испанской короны и назвал Флоридой, пораженный богатейшей флорой этого края. Флориду с тех пор так и именуют Страной цветов. Спустя лет пятьдесят сюда сунулись французы и даже успели основать колонию, но через год испанцы эту колонию уничтожили и на ее месте основали форт Святого Августина, долгие годы остававшийся самой северной точкой испанских владений в Америке. Потом притязания на эти земли стали откровенно демонстрировать англичане. Для защиты Сан-Агустина испанцы построили мощную крепость – *Castillo de San Marcos*, которая сейчас считается старейшим фортом в США. А в 1821 году Сан-Агустин отошел к США, в английском произношении он стал Сент-Огастином, а крепость была превращена в тюрьму – именно здесь и был заточен несчастный Оцеола.

В конце XIX века в этот небольшой городок приезжает Генри Флаглер, и начинается новая эра. Честолюбивый миллионер решает превратить городишко в роскошный зимний курорт. Он нанимает известную нью-йоркскую архитектурную фирму *Carrère and Hastings* и с ее помощью строит в Сент-Огастине несколько экстравагантных зданий, в том числе два роскошных по тем временам отеля – «Понсе де Леон» и «Алькасар». Оба этих великолепных здания сохранились – в одном из них теперь размещается колледж, носящий, естественно, имя Флаглера, а во втором расположен музей. Флаглер построил несколько церквей и больницу (которая существует и по сей день и, конечно, носит его имя), создал бейсбольную

команду. Имя Флаглера многократно увековечено на карте Флориды. Его именем названа одна из центральных улиц Майами, а также небольшой остров, округ и часть побережья.

Напоследок несколько слов о тех самых индейцах семинолах, о судьбе которых так сетовал Майн Рид. Они вовсе не исчезли и не ушли навсегда. Это племя, чей вождь был коварно захвачен в плен и умер в застенке, пережило все гонения, войны и притеснения. Согласно переписи 2000 года, в США проживает более 12 тысяч индейцев семинолов. Сейчас во Флориде существуют два племени этих индейцев – одно, собственно, и именуется племенем семинолов Флориды, а второе называет себя племенем индейцев Миккосуки. Считается, что первые больше интегрировались в американский образ жизни, вторые же тяготеют к старым традициям. Тем не менее, оба племени активно зарабатывают деньги на казино, гольф-клубах, торговле табачными изделиями и туризме. Кульминацией стало приобретение ими в 2006 году сети Hard Rock Cafe, насчитывающей 150 ресторанов в 53 странах.

Глава 8. Новый Орлеан

О гостинице в старой пекарне, раках и аллигаторах, джазовом рае и коктейле на завтрак, самых длинных мостах и урагане «Катрина»...

И всему здесь под настроение игра черных музыкантов в баре за углом. Да и куда ни кинь, в этой части Нью-Орлеана, вечно где-то рядом, рукой подать, – за первым же поворотом, в соседнем ли доме – какое-нибудь разбитое пианино отчаянно заходится от головокружительных пассажей беглых коричневых пальцев. В этой меланхолической блюзовой мелодии бродит сам дух здешней жизни.
Теннесси Уильямс. «Трамвай Желание»

Боже, думал я, шагая, теперь-то я понимаю, почему так мало мистических сюжетов написано среди американских декораций. Англия с ее туманами, дождями, болотами, старинными домами, лондонскими привидениями, Джеком Потрошителем – это да!

А что Америка? Ни одной стоящей истории про привидения или огромных собак. разве что Новый Орлеан: там достаточно туманов, дождей и одиноких домов на болотах, от которых холодный пот прошибает: есть где раскопать могилку, пока святые вечно куда-то маршируют.

Рей Брэдбери. «Кладбище для безумцев»

Когда раньше нам задавали вопрос, какие города в США стоит посмотреть, мы неизменно отвечали – Нью-Йорк, Сан-Франциско и Новый Орлеан. Все эти три города, совершенно разные по духу, могли появиться только в Америке. Но каждый из них, тем не менее, был каким-то неамериканским. Нью-Йорк был уверенным в себе, чуть надменным, но веселым, и на его улицах часто звучала музыка. Окутанный романтичными туманами Сан-Франциско являл собой воплощение аристократичности. А вот Новый Орлеан – это был город-праздник, бесконечный карнавал, абсолютно бесшабашный и неповторимый. И вот из этих трех городов свою неповторимую ауру сохранил только Сан-Франциско. Страшные трагедии постигли два из трех наших любимых американских городов, и восстанавливать им свое «душевное равновесие» предстоит еще очень долго. Настороженным и притихшим стал после терактов 11 сентября Нью-Йорк. А ураган «Катрина» нанес страшный удар по Новому Орлеану.

Про этот город мы читали очень много. Здесь смешались французская и испанская культуры, колорита добавила Вест-Индия. Этот город считается колыбелью джаза. Здесь существует совершенно уникальная кухня *cajun*, созданная французскими переселенцами. И вообще этот город называли американским Парижем. И вот когда выпала возможность поехать в командировку на машине в Техас, то мы решили проложить маршрут так, чтобы провести день в Новом Орлеане. А гостиницу решили найти в самом сердце этого удивительного города – во Французском квартале. Поиски в Интернете показали, что никаких больших отелей здесь нет, а есть только маленькие гостиницы в старых домиках. И одна интереснее другой. Выбранная нами разместилась в бывшей пекарне XVIII века. Когда-то на первом этаже этого дома пекли хлеб, а на втором этаже и в мансарде жила семья пекаря. Мы забронировали номер через Интернет.

Скажем сразу, что гостиницу нашу мы нашли с трудом. То есть узкую улочку во Французском квартале, где она должна была размещаться, мы обнаружили легко. Однако ничего похожего на гостиницу мы не увидели. Вид у нас, похоже, был довольно жалкий, потому что на помощь нам сразу бросился какой-то прохожий. «Вы, наверно, гостиницу ищите? – спросил он. – Да вот она, перед вами». А перед нами было узкое здание, зажатое между двумя похожими домишками. Никаких указателей на нем не было. На улицу выходила лишь старая металлическая дверь и небольшая арка, ведущая во двор. Дверь была заперта. Но тот же прохожий любезно подсказал нам, что никакого ресепшн в этой гостинице нет, а ключи можно получить в баре в соседнем доме. Мы несколько неуверенно вошли в бар, в котором, несмотря на ранний час, было полно народу, и бармен выдал нам ключ от заветной железной двери, а также ключ от нашего номера. Сообщил, что машину надо загнать во двор через ту самую небольшую арку. И радостно добавил: «Когда будете уезжать, сдайте ключ мне». Несколько обескураженные всем происходящим, мы поставили машину в крохотном дворе, а потом открыли ключом дверь. Перед нами предстала крутая и очень узкая лестница, ведущая на второй этаж. Потом нам пришлось преодолеть еще одну лестницу, потому что наш номер находился на третьем этаже. Точнее, это был не просто номер – в нашем распоряжении была целая мансарда. Да еще какая – со старинными, темными деревянными балками и скошенным потолком. И роскошным большим окном, откуда открывался великолепный вид, очень похожий на парижский.

И хотя наше временное жилье нам очень понравилось, задерживаться в нем мы не стали, поскольку времени у нас было не так уж и много, а посмотреть хотелось как можно больше. Мы гуляли по узким улочкам Французского квартала, любовались на небольшие домики, с резных балкончиков которых можно созерцать невероятный карнавал Марди-Гра. Очень нам понравился колесный пароход, курсировавший по Миссисипи вдоль берега. А потом мы зашли на потрясающий местный рынок, где продавалось множество всякой экзотики, типа невиданных специй и консервированного мяса аллигатора. По мере приближения вечера народ на улицах становился все веселее. От жары большинство спасалось холодным пивом, которое пили прямо из бутылок. Для нас, уже привыкших в Нью-Йорке, что употребление спиртных напитков на улице запрещено, это сначала казалось странным. Забурлила жизнь в маленьких ресторанчиках и барах – и зазвучала музыка. Джаз, джаз – отовсюду джаз!

Ведь джаз как музыкальное направление родился именно в Новом Орлеане. Специалисты считают, что это произошло в районе Трем, рядом с Французским кварталом. Здесь было скопление веселых заведений под названием Сторивилл, ставшее после окончания Гражданской войны прибежищем для бывших рабов, стекавшихся в город. Здесь начинали свою карьеру такие ставшие впоследствии легендарными музыкантами, как Бадди Болден, Кинг Оливер, Сидней Беше и «Джелли Ролл» Мортон. На месте Трема впоследствии был разбит парк, который стал носить имя самого известного сына Нового Орлеана – Луи Армстронга.

Нагулявшись, мы отправились ужинать в ресторанчик на набережной. Разумеется, хотелось бы попробовать знаменитых луизианских раков, которых ловят в местных болотах. Но – увы! – почему-то оказалось, что для раков сейчас не сезон. Потом мы выяснили, что сезон раков длится всего четыре месяца – с марта по июнь. В остальное время года их панцирь слишком твердый и они еще «не нагуляли жирок». В каджунской и креольской кухне раки занимают почетное место – их тут не только варят со специями и разными овощами, но и жарят и запекают в тесте. Существуют даже пирог с раками и раковый хлеб. Из раков готовят паштеты, муссы, супы и даже попкорн. Их варят, жарят, тушат; ими фаршируют картошку, кабачки и даже огурцы. Разводят этих раков на специальных фермах на болотах, которые занимают весь юг штата Луизиана. Кстати, Луизиана обеспечивает чуть ли не 90 процентов всех поставок свежих раков на мировой рынок.

Вместо раков нам были предложены креветки по-каджунски. Креветки были крупные и совершенно черные, посыпанные какой-то особой приправой. Как же это было вкусно! Первую порцию мы съели мгновенно и сразу попросили добавки. А какие замечательные музыканты играли в этом ресторанчике! Потом мы еще долго бродили по городу, совершенно очарованные его веселой атмосферой. Он был пропитан музыкой и солнечным светом, ароматами неповторимой луизианской кухни и экзотикой смешения множества культур. Музыка звучала отовсюду, и казалось, что праздник в этом городе не прекращается ни на минуту. В нашу очаровательную мансарду мы вернулись уже под утро.

Ужин в ресторанчике на берегу Миссисипи так понравился нам, что мы решили позавтракать там же. Там нас ждало потрясение в виде меню. Нигде и никогда в Америке мы больше не видели такого меню завтрака! Оно включало в себя целый раздел под названием *Eye Openers!* Что это такое? Да это средства для опохмелки! Интеллигентный словарь *Multitran* переводит это словосочетание как «глоток спиртного», «опрокинуть рюмочку с утра». В ассортименте были представлены добротные коктейли типа «Кровавой Мэри» и «Манхэттена». Но тут нас ждало еще одно потрясение – на небольшую сцену стали выбираться те же музыканты, так поразившие нас накануне. А ведь они играли в этом ресторане допоздна. Они были слегка помяты, но, тем не менее, бодро взялись за дело. И вновь зазвучал великолепный джаз.

Ох, как велик был соблазн выпить коктейль утром на берегу Миссисипи под волшебные звуки джаза! Но мы поняли, что тогда мы точно не доберемся в тот же день до Хьюстона. А может быть, не доберемся и на следующий день... В общем, пришлось ограничиться кофе. Потом мы еще немного побродили по городу и грустно вернулись в гостиницу. Забрали свои вещи и сдали ключ все тому же веселому бармену. В самой гостинице мы так ни одного живого человека и не увидели. А деньги за проживание были просто сняты с нашей кредитной карточки.

Новый Орлеан с трех сторон окружен водой – Мексиканским заливом, озером Пончартрейн и рекой Миссисипи. Для защиты города от воды давно были построены многочисленные дамбы, которые и оказались прорванными 29 августа 2005 года, когда ураган «Катрина» достиг юго-восточного побережья США в районе штатов Луизиана и Миссисипи. Большая часть города была затоплена. От последствий этой катастрофы город не оправился и по сей день. Но тогда, когда мы побывали в Новом Орлеане, никто и предположить не мог, что пройдет всего несколько лет, и веселый праздник закончится. Никто не ждал беды, а вода казалось покоренной. Дамбы выглядели прочными и надежными.

Весь юг штата Луизиана – это сплошные болота. Точнее, даже не болота, а то, что называется марью, т. е. заболоченные территории, покрытые редким лесом и перемежающиеся настоящими болотами. Это – многокилометровые топи, которые местами выглядят просто как декорации для фильмов ужасов. Из воды торчат голые стволы деревьев, поросшие мхом. Земля выше уровня воды покрыта болотной травой и лианами. Но взирать на это лучше все-таки сверху с шоссе. Хотя для туристов – любителей острых ощущений – организуют специальные экскурсии.

Болота Луизианы неразрывно связаны с местным фольклором. В местных сказках и легендах это опаснейшие места, населенные ужасными существами. Здесь обитают привидения, оборотни и вампиры. Есть еще страшное существо, именуемое ругару, с телом человека и головой волка. Здесь отправляли свои обряды колдуны вуду, в частности знаменитая Мари Лаво.

Луизианские болота – это рай для множества животных. Здесь живут цапли и пеликаны, черепахи и змеи. И, конечно же, аллигаторы. Их великое множество, и относятся к ним с уважением. Только в Луизиане мы видели дорожный знак, предупреждающий о возможной встрече с этим животным. Такой знак мы увидели и у небольшого озера, рядом

с которым находилась зона отдыха. И там мы лицезрели замечательную сценку: два водителя-дальнобойщика, закатав штанины брюк, ходили по колено в воде и чем-то похожим на майку ловили то ли раков, то ли рыбу. Им было все равно, что сейчас не сезон и у раков будет много панциря и мало мякоти. Им было наплевать на аллигаторов. И рыбалка у них удалась – мы потом видели, как они несли солидный тючок к своей машине.

Кстати, мясо аллигаторов в Луизиане также активно используется в кухне. Его консервируют, жарят, делают из него сосиски, супы, разные тефтельки и котлеты. Для приготовления стейков используют нежное мясо с хвоста, по внешнему виду оно напоминает телятину. Остальное мясо более темное и жесткое. Как утверждается, по вкусу мясо аллигатора является собой нечто среднее между вкусом курицы и кролика. Некоторые даже считают, что оно напоминает по вкусу лягушачьи лапки. Есть любители жареных аллигаторовых ребрышек. Говорят, что невероятно вкусна джамбалайя с мясом аллигатора. Утверждать не будем – не пробовали.

Если же ты не любитель страшной экзотики и предпочитаешь аллигаторов только на сковороде, то по болотам лучше перемещаться по мостам. А мосты в Луизиане уникальные – они «летят» невысоко над болотами, позволяя рассмотреть все, что творится внизу. Как известно, самые длинные в мосты в мире построены в Китае. Но на втором месте – Луизиана! Здесь находятся целых три моста, входящие в число длиннейших. Причем один из них – мост-дамба через озеро Пончарт-рейн, согласно Книге рекордов Гиннесса, является самым длинным мостом в мире, висящим только над водой. Его длина – 38 километров. Немногим уступает ему и мост над болотом Манчак – его длина 36 километров. А на третьем месте – мост через бассейн Атчафалайя, который считается самым большим болотом (или марью) в США. Его длина – 29 километров.

По одному из этих мостов нам довелось проехать, когда мы покидали Новый Орлеан. Ощущение было удивительное – как будто летишь над какой-то сказочной страной. Сразу вспомнилась история, прочитанная незадолго до этого в газете, о некоей луизианской бабушке, которая не справилась с управлением автомобилем на таком мосту. Ее машина улетела вниз и повисла на деревьях, стоящих близко к воде. Вокруг, обуреваемые любопытством, немедленно собрались змеи и аллигаторы. Спасли бабушку, перепуганную и страдающую обезвоживанием, только через три дня, причем заметили ее машину совершенно случайно.

Мы уезжали из Нового Орлеана, уверенные в том, что еще не один раз приедем в этот замечательный город. Кто же мог представить, что пройдет всего пять лет, и от того необыкновенного города останутся лишь воспоминания. Ураган «Катрина» в считанные дни уничтожит весь тот уклад жизни, который и был Новым Орлеаном. Хотя уже тогда были эксперты, которые предупреждали о том, что число ураганов и их мощь нарастают. В 2000 году именно в Новом Орлеане проходила конференция по ураганам, на которой ведущий американский эксперт, профессор метеорологии Университета штата Колорадо Билл Грэй заявил, что в ближайшие годы ураганы причинят береговой зоне Мексиканского залива и штатам Атлантического побережья США ущерб, который окажется в 5-10 раз больше, чем когда-либо в прошлом. Он предупреждал, что надо готовиться к катастрофическим ураганам и соответствующим образом адаптировать инфраструктуру страны.

Похоже, что к предупреждениям ученых никто тогда не прислушался. По крайней мере Новый Орлеан, да и вся Луизиана и соседние штаты оказались совершенно не готовыми к беде. Когда 29 августа 2005 года мы, находясь в Лос-Анджелесе, смотрели в новостях, как ураган накрывает Новый Орлеан, сердце просто щемило. Казалось, что на наших глазах гибнет настоящее чудо, к которому нам только удалось прикоснуться.

«Катрина» нанесла тяжелейший удар по людям, по судьбам, по экономике, по окружающей среде. Но ценители и знатоки музыки оплакивают и другое: погиб Новый Орлеан

– родина джаза, и вернуть его к жизни таким, каким он был, вряд ли возможно. Многие музыканты уехали, причем большинство перебралось жить и работать в Портленд в штате Орегон, который считается второй джазовой столицей США. Организаторы Портлендского фестиваля джаза совместно с властями штата, туристическими агентствами и различными компаниями обеспечили гостей временным жильем, оплатили их перелет из Луизианы в Орегон, устроили детей в местные школы, помогли музыкантам и членам их семей найти работу, в том числе в многочисленных клубах города.

Хотя считается, что жизнь в Новом Орлеане наладилась, далеко не многие его жители вернулись. Население города сократилось практически на треть. Разумеется, не вернутся те, кто уже нашел себе работу в другом месте. Тем более что никто не может гарантировать, что подобной катастрофы не повторится. Многие задают вопрос – а не умер ли в Новом Орлеане целый пласт американской культуры?

Считается, что город восстановили. Но стал ли он прежним Новым Орлеаном? Вернулся ли в него дух или он стал безликим «новоделом»? Станет ли он вновь городом, куда хочется возвращаться вновь и вновь? Ответа на этот вопрос пока нет.

Глава 9. Хьюстон

О самых популярных фразах в истории американского кино, Центре управления полетами, космическом меню и рок-группе, состоящей из астронавтов...

Единственное, что способно объединить всю нашу планету, – это планетарная космическая программа... Земля превращается в космическую станцию, и война просто исчезает из повестки дня, даже мысль о ней превращается в безумие в контексте исследовательских центров, космопортов, восхитительного ощущения, возникающего из совместного труда с людьми, которые тебе нравятся и которые испытывают глубокое уважение к своим, определенным по взаимному согласию целям – целям, которые принесут выгоду всем, кто сможет их достичь. Счастье есть побочный продукт осмысленной деятельности. Планетарная космическая станция предоставляет всем членам своего экипажа возможность действовать осмысленно.
Уильям С. Берроуз. «Пространство мертвых дорог»

Время после обеда было занято тестами разного рода: сообразительность, мышечный контроль, быстрота рефлексов, время реакции, чувствительность нервной системы. Во время некоторых тестов от него требовалось выполнять сразу две или больше задач. Некоторые казались Мэтту просто глупыми. Тем не менее, он старался изо всех сил...

Надеть скафандр – вернее сказать, влезть в него – оказалось непростым делом; через несколько мгновений Мэтт обнаружил, что пытается сунуть обе ноги в одну штанину скафандра. Он вылез наружу и сделал новую попытку. На этот раз ему не удалось попасть головой в шлем.

Роберт Хайнлайн. «Космический патруль».

О нашей поездке в Хьюстон начнем издали. Известно, что многие фразы из американских фильмов прочно вошли в лексикон американцев, да и не только. Конечно, все знают знаменитое обещание Терминатора: «I'll be back» или «визитную карточку» Джеймса Бонда – «Bond. James Bond». Всем хорошо известно, что можно сделать предложение, от которого невозможно отказаться («Крестный отец»), а также что у «каждого свои недостатки» (Some like it hot – «В джазе только девушки»). Так вот Американский институт кино решил выяснить, какие же именно сто киноцитат наиболее популярны. При выборе «лучших из лучших» члены жюри, в которое вошли 1500 известных представителей мира кино, руководствовались несколькими критериями. В частности, фраза должна была за годы, прошедшие с момента выхода фильма на экраны, войти в обиходную речь и стать почти поговоркой. Кроме того, эта фраза должна быть абсолютно узнаваемая, то есть должна быть неразрывно связана с конкретным фильмом, сразу напоминая о нем. Некоторые не менее популярны и у нас, но далеко не все – кое-что нам просто непонятно.

На первом месте оказалась фраза «Frankly, my dear, I don't give a damn» («Честно говоря, моя дорогая, мне на это наплевать») из фильма «Унесенные ветром», произнесенная актером Кларком Гейблом в роли Ретта Батлера в сцене прощания со Скарлетт О'Хара в исполнении Вивьен Ли. Второе и третье место поделили высказывания Марлона Брандо – то самое предложение, от которого невозможно отказаться, из фильма «Крестный отец» и «Я мог бы быть претендентом» из ленты «В порту». Четвертое место заняла фраза, оброненная в

фильме «Волшебник Страны Оз» актрисой Джуди Гарланд, когда она обращалась к собачке: «Тото, мне почему-то кажется, что мы уже не в Канзасе». Рекордсменом по числу вошедших в историю высказываний стал фильм «Касабланка» – сразу шесть цитат из этой ленты попали в почетный список, в том числе произнесенные Хэмфри Богартом слова: «Луис, я думаю, что это начало прекрасной дружбы» и «Париж всегда останется с нами».

Собственно, нас в этом списке интересует строчка под номером 50. Это фраза: «Houston, we have a problem», произнесенная в фильме «Аполлон-13» актером Томом Хэнксом, который играет капитана корабля Джима Ловелла. Думаю, что никто не будет спорить, что эта фраза популярна и у нас и всем понятна. «Хьюстон, у нас проблема» – и это значит, что произошло что-то серьезное. На самом деле впервые эта фраза была произнесена не в кино, а в 1970 году на борту «Аполлона-13», и ситуация тогда была более чем серьезная, поскольку возникла вероятность того, что корабль вообще не сможет вернуться на Землю. Но звучала она немного иначе, и произнес ее не командир Джим Ловелл, а другой член экипажа – Джек Свигерт. Утверждается, что Свигерт сказал: «Houston, we've had a problem». И здесь перфектное время играет большую роль – возникает ощущение, что эта проблема уже практически в прошлом. Поэтому создатели фильма решили несколько изменить эту фразу и вложить ее в уста командира, чтобы она звучала драматичнее.

За словами «Хьюстон, у нас проблема» скрывалась смертельная опасность: на борту «Аполлона-13», летевшего к Луне, произошел взрыв, и основная энергетическая установка почти полностью вышла из строя. По команде из Хьюстона полет был прерван. По счастью, астронавтам удалось благополучно приводниться в океане – произошло это в апреле 1970 года...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.